

Решимость: почти святой Брайан
Первая история вселенной Бесцейна

18+

Анастасия Сагран

Анастасия Сагран

Решимость: почти святой Брайан

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Сагран А.

Решимость: почти святой Брайан / А. Сагран — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Прекрасные, бездушные, недоразвитые эскортесс - существа, выведенные пришельцами на Клервинде - бесконечно требуют крови или секса. В руки крылатого священника Брайана попадает красивейшая из них - Моргана. Она меняется до неузнаваемости и влюбляется в него. Близкому к святости Брайану ни к чему её обожание, потому что магия церковного проклятия стережёт даже его мысли. Моргана готова пойти против своей природы и смириться с воздержанием, но Брайан, оказывается, умирает из-за своей праведности.

Содержание

Предыстория	5
Глава 1. Белая гостиная в Сильверхолле	7
Глава 2. Моргана Аргиад	15
Глава 3. Брайан, лучший Брайан	31
Глава 4. Ньон	43
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Предыстория

Планета Клервинд тысячи лет укрывала человеческий вид разумных. Две ноги, две руки, одна голова, одно сердце, кровь красная. Люди страдали болезнями, они обманывали, предавали и убивали друг друга, и со временем срок жизни каждого отдельного человека сократился.

В разное время прилетали шипастые демоны, чтобы убивать и пить кровь людей. Редко появлялись и крылатые ангелы, чтобы исцелять и исправлять человечество, а так же уничтожать демонов. Некоторые из ангелов оставались жить среди людей, но вскоре засыпали долгим глубоким сном. Люди научились пробуждать ангелов, но поскольку это было невероятно сложно, то делали это только ради защиты от демонов.

Когда прибыла целая цивилизация крылатых с планеты Аконит, клервиндский народ понял, что ангелы вовсе не посланники справедливого Бога, а просто очень необычный, иной вид сильных и честных людей, умеющих странным способом призывать крылья, оружие и свет. Пришельцы считали себя обязанными стать защитниками для клервиндского человечества, их старшими братьями, их целителями и наставниками. Крылатые с удовольствием постепенно насаждали свои порядки, взяли на себя заботу о благополучии бескрылых людей и были справедливы и честны.

Так было до тех пор, пока не грянули тёмные времена. Перевертыши – человекообразный вид, принимаемый ранее за демонов – решили обосноваться на Клервинде. Старый умный шипастый Ли привёл за собой целую империю тех, в чёрной крови которых с рождения жила ненависть к крылатым.

Светлый народ с Аконита отчаянно защищал планету, но всё было тщетно и Ли удалось закрепиться на первом островке земли – местечке возле маленького городка под названием Лифорд. Тогда же главнокомандующим крылатых стал прославленный Джулиан Февер из рода Сильверстоунов. Его военный гений оказался столь велик, что войска крылатых отбросили перевертышей на луны.

Ли, которого иной раз стали именовать Лифордом, послал к звёздам призыв. На него откликнулся царь-перевертыш Рашингава, поборник просвещения, и, после объединения царей, в войне произошёл переломный момент. «Демонам» удалось отобрать часть одного материка. Они, более цивилизованные и организованные, чем те голодные одиночки, что тысячи лет мучили людей, оказалось, не желали смерти и страданий бескрылым. Ли и Рашингава как правители составляли о себе только самое лучшее впечатление. Под влияние этих умных мужчин попала молодая человеческая женщина Арафель из монархического клана Дана-Хэйвин. Она заключила с пришельцами союз против крылатых с Аконита и провозгласила себя императрицей Севера. Так Клервинд разделился на Северный и Южный союзы.

К Северному союзу присоединились ещё и Адморские перевертыши, тоже откликнувшись на призыв Ли. Тогда-то Джулиан Февер вспомнил о спящих древнейших «ангелах» и пробудил всех тех, о местонахождении коих ещё было хоть что-то известно. Некоторые из древнейших имели такие таланты, навыки и знания, которые помогли им снова прославиться, а Югу – снова успешно наступать.

Среди пробуждённых был предок главнокомандующего, ясновидящий Сапфир. Он предсказывал такие невероятные вещи, что Арафель послала свою дочь Игрейну инкогнито к крылатым, чтобы послушать Сапфира. Случилось невероятное – Сапфир настолько влюбился в человеческую женщину, что поведал ей секретов больше, чем своим же потомкам, друзьям и союзникам. Так Северный союз узнал о самом древнем из живых перевертышей, Хоакине, прозванном Классиком. Сапфир ненавидел его и считал единственным стоящим своего внимания врагом. Потому-то и отправились перевертыши на поиски Классика.

Классик, едва услышав о месте нахождения Сапфира Сильверстоуна, бросился с войсками на Клервинд и уничтожал одного древнейшего за другим, наслаждаясь кровопролитием и возможностями войны.

Высокотехнологичная цивилизация фитов, обязанная когда-то Сапфиру, в помощь крылатым сумела отправить не только вооружённую машинами армию, но и рабочих с инженерами, которые не просто поддерживали функциональность своих боевых единиц, но и создавали новые отряды.

Так на Клервинде смешивались времена, технологии, виды и расы, порядки и правила, а гениям и героям с обеих сторон настало время и место проявить себя с новых сторон. В битвах прошло менее двухсот лет, а множество великих и достойных погибло от огня, меча и яда.

Рашингава изобрёл способ скрещивания людей и перевёртышей и, не без магии и химии, родились драконы-ящеры. Имя отца первого дракона, Ксениона, навсегда потерялось в лабораториях Рашингавы. Мать первого дракона, Игрейна Дан-на-Хэйвин, дочь Арафели, с удовольствием ввела жуткую полукровку в свой клан. Став императрицей, Игрейна Первая родила шестнадцать драконов перевёртышу Ли и двадцать два дракона – Адмору. Становясь старше, драконы учились обращаться в человекоподобную форму и думать, и чувствовать, и принимать решения подобно людям. Ксенион, первым применив человеческий способ мышления к драконьей форме, стал начальной частью самого страшного оружия уже порядком потрепанных войск Севера. Вторым страшным оружием стал вид эскортов, рождённых в союзах драконов и людей. Эскорты, пусть и считались низшим видом по интеллектуальному развитию, но не могли умереть вовсе.

Драконы и эскорты оказались вполне смертны. Но Сапфир всё равно предсказал крылатым полное поражение. Лучшие умы Юга долгое время бились над тем, как остановить гибель. Юг решил прибегнуть к последнему удобному средству – к миру.

Глава 1. Белая гостиная в Сильверхолле

Симпатичный священник в чёрной рясе бодро шагал по коридорам и залам Сильверхолла. Ему повезло появиться на свет именно здесь, и он знал каждого, кого встречал на пути. Ему были здесь рады, но так бывало всюду. Даже первый встречный без труда распознавал в отце Брайане мягкосердечного добряка. Разве что близкие знали его строгость в отношении к самому себе. Если бы не это, отец Брайан никогда бы не получил прозвище «почти святой Брайан» и сан кардинала церкви Единого.

По его молитве с недавнего времени случались чудеса, сам он был примером лучшего нрава, любви и всех добродетелей, а что родился Сильверстоуном, так это было скорее личным испытанием его терпения и некоторой встряской, чем пятном на репутации.

Принадлежность именно к этой семье помогала во всём. Глава клана, герцог Сильвертон, уже долгое время занимал пост предводителя Юга. И так посчастливилось, что тот самый Ричард Сильвертон приходился Брайану кровным отцом. Коллегия кардиналов не могла не возлагать больших надежд на крылатого с таким влиятельным родителем.

– Брайан! – позвал священника похожий голос, разве что слышимый как более высокий. – Обожди.

Крылатый поднял голову и увидел своего близнеца, Роджера Кардифа, на верхнем пролёте лестницы, мимо которой проходил.

Роджер оглянулся – не видит ли кто? – и перемахнул через перила. Прыжок вниз на три его роста закончился удачно, и брат приземлился рядом с Брайаном.

– В следующий раз сапоги лопнут, – недовольно заметил кардинал. Его считали моралистом, и он обязан был кроме добродетельного образа жизни проповедовать ещё и приличное поведение, но это не значило, что он не хотел иной раз так же прыгнуть через перила. Впрочем, и Роджер редко позволял себе такое: крылатым близнецам стукнуло по тысяче лет, и игривость уже была не к лицу, пусть иной раз и прорывалась в их тесной компании.

Роджер бы ответил, но в коридоре показались трое его сыновей: Джулиан, Энтони и Джереми.

Джулиан Алмир, он же Дарк-принц, из-за своей врождённой гениальности и возраста (Роджер в первый раз женился очень уж рано), уже много лет занимал пост главнокомандующего поднебесными войсками. Это не мешало Роджеру иной раз отечески взлохматить волосы Джулиана, но Брайан был уверен в том, что Роджер немного опасается своего «старшенького». Брайан не разделял подсознательных опасений близнеца, но признавал, что Джулиан уж слишком суров. Что касается Энтони и Джереми, самых младших и единственных выживших, кроме Джулиана, сыновей Роджера, то они унаследовали лёгкий нрав своего папаша.

– Да ты в порядке, я смотрю? – Энтони толкнул плечом Роджера. – Жив? Что тогда операцию провалил?

– Попал в засаду. Люди. Целая рота стрелков.

– Это было неожиданно, – признал главком Джулиан.

– Тебя долго не было, – протянул Джереми, участливо глядя на отца. – В плен попал?

– В плен красавицы, если только, – улыбнулся Роджер, и пояснил: – Меня расстреляли на месте, посчитали мёртвым. Одна милая леди собиралась ободрать мой хладный труп, но тут я и ожил. Представляешь, я решил, что влюбился.

– И поэтому не показывался целый период? – фыркнул Джулиан. – Ты просто взял очередной отпуск. Деду это очень не понравится. Был бы ты под присягой...

– Эй, никто не услышал ничего странного? – вклинился Энтони. – Папаша решил, что влюбился в леди, которая собиралась его ободрать. Либо она из воинственных Дан-на-Хэйвин, либо полковая шлюха.

– Ну, что же так грубо?.. – покачал головой Роджер. – Никак нельзя называть милых, добрых дамочек шлюхами только за то, что они так восхитительно ласковы.

– Конечно, нельзя называть дамочек шлюхами... пока они с тобой не спутались, – сказал Энтони и рассмеялся даже громче братьев.

Брайану пришлось взять себя в руки и вместо того, чтобы улыбнуться, немного повысить голос:

– Этот разговор не сделает вас достойнее!

– А тебя он не сделает меньшим девственником, – всё смеялся Энтони. – Чего ты всё время опасаться?

Брайан дотянулся до племянника и “одарил” его подзатыльником. Энтони легко забывался и мог нахамить любому крылатому или фиту, невзирая на возраст, сан, должность, титул и степень родства.

Из того конца коридора, куда Сильверстоунам следовало держать путь, донёсся грохот.

– Дед уже порывается кого-то убить, а что с тобой будет? – Джулиан спокойно посмотрел на своего несколько безответственного отца, и двинулся вперёд.

Брайан слегка поморщился, подойдя ближе к белой гостиной Сильверхолла, извечному месту для собрания всех членов семьи. В который раз он слышал крики герцога Сильвертона и должен бы не огорчаться, но родитель был несколько неистов в гневе, а всё же голоса просто так никогда не повышал. Подозревая, что время пройдёт не в самой приятной обстановке, Брайан тягостно вздохнул и вошёл вслед за Джулианом.

Самый влиятельный мужчина на всём Юге Клервинда, хозяин дворца и глава клана сразу же привлёк всё внимание Брайана. Ричард Сильвертон мощными, ритмичными пинками загонял родоначальника Сапфира Сильверстоуна под диван. Несчастная жертва не сопротивлялась, так как её опьянение достигло той степени, когда собственных сил воспрепятствовать унижению не доставало. «Уверен, что Сапфир заслужил это», – подумал Брайан. «Великого» предка пробудили для участия в войне с северянами, а он, вместо этого, опустошал запасы крылоскола во дворце.

Сильвертон всё не прекращал своё дело. Удивительно, но он умел, не прерываясь ни в одном и ни в другом, избивать кого-либо и при этом громко орать:

– Ничтожество! Я убью тебя, гарантирую, что убью, если не смогу тебя образумить! В то время как умирают тысячи!.. Ты, только ты ничего не сделал! Если бы у меня был выбор, если бы я мог знать, что ты настолько бесполезен, я никогда, никогда не разрешил бы пробудить тебя. Да я бы уничтожил все записи, все легенды и всю память о тебе!..

Чудовищная вспыльчивость часто доводила герцога до рукоприкладства, но его выбрали предводителем всех крылатых и фитов, прекрасно зная об этом. Его выбрали за ум, честь, доблесть, силу, славу и умение договариваться. За происхождение, родственные связи и богатство также.

Но на месте Сильвертона любой постоянно выходил бы из себя, пусть и не до такой степени. Что значит быть лидером всего Юга, иметь столько доверия к себе и отвечать за совершенно бесполезных, если не хуже, родственников?

Пьяница Сапфир Сильверстоун был провидцем, не больше и не меньше. В совершенно иной Вселенной, миллиарды эпох тому, он основал род Сильверстоунов. Сапфир прожил невероятную жизнь: путешествовал по чудным мирам, предсказывал разрушения величайшим цивилизациям, правил королевствами и сражался за справедливость, видел, как перерождались светила и как гении творили прекраснейшие шедевры... Но пробудили-то его, нуждаясь не в его памяти и совете, а в его мече.

Сына Сапфира, Даймонда Лайта, тоже уснувшего на эпохи, пробудили с этой же целью, но ныне он, хотя бы, открыл способ уничтожения драконов и эскортов. Чем он и создал современную легенду о себе не только, как об умелом бойце и красивейшем мужчине, но как об учё-

ном с пытливым умом и умением добиваться решения поставленных задач. Насколько полезен стал Даймонд Лайт – настолько бесполезен оказался Сапфир Сильверстоун, хотя в состоянии опьянения оба находились почти одинаково часто.

Даже сейчас Даймонд сидел в двух шагах от Сапфира и вспыльчивого главы клана и болтал в бокале эйерн с таким видом, будто находится на светском рауте. О том, что Даймонд понимал, что это не так, совершенно точно говорили развязанный галстук и распахнутая на груди рубашка.

– Почему?! Зачем такому... – Сильвертон явно не подобрал ругательство, – такие способности?! Почему они достались такой дикой твари?!

– Войны длятся веками, и так было всегда, позволь тебе заметить, – спокойно сказал Даймонд. – И надо успевать жить, чтобы потом сражаться.

Даймонд был на вид так же внимателен, серьёзен и невинен, как и прекрасен. Это, и то, что на Сапфире гнев сиятельного герцога уже частично вышел, спасло Даймонда от своей очереди тумачков. Сильвертон застыл.

Последовал обмен пристальными взглядами. Резко, так, что остальные присутствующие вздрогнули, глава клана заорал снова:

– Вам-то двоим чего успевать жить?! – он отвернулся, отошёл, увидев сыновей и внуков, но снова обернулся к Даймонду и наконец-то заговорил, а не заорал: – Вы двое вышли против армии шипастых, и только озеро крови осталось. Почему бы не сделать этого ещё раз?

Герцог продолжал с напором отчитывать всех провинившихся родственников, уже собравшихся вместе:

– Почему я поручаю ответственное задание вам троим, тем, кого считаю опорой клана, а вы или напиваетесь или пропадаете в чьих-то постелях? Это тебя касается, Роджер! Почему я даю вам всего один, один чёртов лунный период, отбываю на фронт, а по возвращении вижу это? – герцог обернулся к Даймонду и тыкнул пальцем в сторону Сапфира. – Как я посмотрю в глаза тем, кто мне верит?! Что я скажу другим древнейшим?!

– Но я действительно сделал часть работы. Я выловил и привёз Моргану Аргиад! – пытался обелить себя Роджер, на вид – сама невинность. – Я чудом выжил, когда доставлял других заложников. Им удалось сбежать, только потому, что мы попали в засаду... Мне стреляли прямо в сердце! Неужели это не имеет никакого значения? К тому же это разведка Джулиана оплошала, а не я – никто на моём месте не мог знать о стрелках. Ну, или почти никто.

Это был прозрачный намёк на то, что операция сорвалась по вине Сапфира. Зачем тогда семье ясновидящий, если не может точно предсказать стрелков-людей на определённом месте линии фронта?

Прежде, чем Сильвертон в ответ на оправдания своего сына сделал или сказал хоть что-то, Джулиан объяснил:

– Всё выполнено в срок и в соответствии с планом. Когда заложники ударились в бега, младшие уже были неподалёку. Они доставили нужных людей и не людей в Деферран.

– Мы доделали всё за стариков, – сияя, лопааясь от гордости, весело проговорил Энтони, один из “младших”.

– Старики – облажались, а внуки у тебя, Ричард, оказываются значительные парни, – прикрыв глаза, кивая сам себе, говорил Джереми, другой “младший”.

Оба молодых крылатых ещё не вполне успокоились после недавнего длительного перелета, и Джулиан посматривал на них с удовлетворением. Энтони и Джереми действительно отличились, не иначе. В противном случае главком поднебесных никогда не вывесил бы на своём лице хоть что-то, кроме суровой холодности.

– Возможно, – недовольно буркнул герцог, проходя мимо младших внуков и заглядывая в их лица. – Возможно, вы не так похожи на своего неудачника-отца, как я думал.

– Я не неудачник.

Сильвертон преувеличенно медленно обернулся к Роджеру. Тот сообразил, что у главы клана ещё не прошло желание сломать кому-нибудь нос, и для маскировки меж портретами на стенах выбрал полностью отсутствующий вид.

Помогло.

– Вы, однако, – с сарказмом в голосе начал Даймонд, обращаясь к Энтони и Джереми, – занимались ерундой. Доставить кого? Людей?! Пару женщин-перевёртышей? Тоже мне герои!

– Ну-ну. А ты чего сделал? – разозлился Энтони на красавца-древнейшего. – Разворошил адморовскую подземку, достал невесту и племянницу наследника, а потом объявил, что убьёшь их царя? А кто доставлял девчонок? Мы!..

Джереми усмехнулся:

– Их царь наверняка нашего красавчика опять расцарапал и метнул в сторону Дефферрана. Вот Даймонд и убивается, и позор заливает.

– Я праздную победу, – с достоинством заявил Даймонд «красавчик» Лайт. – Я убил Десептора Адмора.

– Что? – воскликнул Сильвертон.

Даймонд не обратил на него никакого внимания. Он продолжал смотреть на Энтони и Джереми.

– А невесту Адмора я ослепил, прежде чем бросить в лесу. Или вы не заметили?! – Даймонд сделал паузу. – Доставить слепую княжну и испуганного ребёнка... Ха! При-дур-ки.

– Что?.. – думая, что ослышался и не находя подтверждения, герцог продолжал переспрашивать, но его наглым образом игнорировали.

– Эта слепая княжна!.. – обиженно начал говорить Джереми, но Энтони ткнул его в бок, чтобы самый младший из сыновей Роджера заткнулся и не разболтал лишнего.

– Так она вам даже слепая доставила проблем, – догадался Даймонд и сдержанно улыбнулся.

– На его лице что, превосходство? – спросил Джереми у Энтони.

– Ты убил Десептора Адмора?! – повысил голос Сильвертон.

– А что, не надо было? – растерянно спросил Энтони, глядя на деда.

– Надо, – резко и отчётливо отвечал герцог, не переставая смотреть на Даймонда. – Ты... убил своего заклятого врага?.. Это отличная новость. Не думал, что это вообще возможно. Вот если бы ещё Классик с Ли передохли... Это потрясающе, – он очарованно, не глядя, нащупал кресло и сел, смотря куда-то в стену.

– Кажется, его братик, Ретт Адморский, очень любил его. Тяжело было уходить, – медленно проговорил Даймонд, намеренно фальшиво сокрушаясь. Сейчас этот сын прародителя производил неприятное впечатление.

– Так вот вы что... – необычайно спокойно проговорил Сильвертон. – Я даже... прощаю вас.

И, однако, не поспешил достать ясновидящего предка из-под дивана.

– У Сапфира свои причины напиваться, – покачал головой Даймонд. – Он, когда выкрадывал и доставлял сюда Игрейну Пятую, опять влюбился.

– Чего? – восторженно Роджер. – Он что, теперь будет влюбляться во всех девок Дана-Хэйвин?

– Но он сказал, что она очень похожа на Игрейну Первую, – как бы оправдал отца Даймонд.

– Не-не... Этого быть не может! – Роджер замахал ладонью перед собой из стороны в сторону. – Я доставлял саму Моргану Аргиад, красивейшую из женщин... и ничего.

– Ложь, – прохрипел Сапфир в ковёр.

– Этого не может быть! – закатил глаза Роджер. – И потом, я же не влюбляюсь так, чтобы мной бутылку крылоскола затыкать можно было...

– Кстати о делах, – прервал отца Джулиан. – В планах было казнить Моргану Аргиад, если кто ещё помнит.

Роджер вскинул брови, распахнул глаза как можно шире и замедленно повертел головой:

– Казни, пожалуйста. Клянусь перьями взрослости, я не против!..

– И не жалко тебе? – поморщился один из его сыновей. – Красивейшую из женщин?!

– Нет.

– Ты не понял вопроса. И не жалко ТЕБЕ?! – Джереми так выделил последнее слово, что даже Сильвертон, с недоумением прищурившись, покосился на Роджера:

– Ты спал с ней?

– Какая разница? – Роджер собирался привычно уйти от вопроса, но передумал и заявил: – У меня принципы, между прочим, – последние слова он сказал медленно, раздельно. – Не беру всё, что само падает в руки. Если падает, значит перезрело. Или гнилое.

Отец смотрел на него с отвращением, как бывало всегда, когда в семье заходил разговор о дурных наклонностях Роджера.

Последний погрузнел:

– Ей бы мозги в её голову... тело-то действительно совершенное.

– Ну, хоть по?..

– Давайте немного сменим тему, – предложил строгий глава клана, не позволив Даймонду задать какой-то вопрос Роджеру. – Раз всё в порядке и никто из-за очередной смазливой дуры спиваться не намерен, то я не вижу причин отменять её казнь. Из всех заложников она причинила нашим войскам наибольший ущерб. Да...

– Говорят, она была то ли любовницей, то ли женой всех пяти царей-перевёртышей, – сказал Даймонд. – Кто-то из них может и разозлиться. Или все сразу, если слухи не врут и она действительно так хороша.

– Хороша, – чуть-чуть подавленно, эхом, вторил Роджер.

– В постели, я имел в виду.

– Надо было проверить. Теперь, подумав, я сильно сожалею...

– Роджер, заткнись! – оборвал сына Сильвертон. – Это показательная казнь. Мы доказываем, что можем сделать то же с княжной Чайной Циан Лифорд.

– Ты подумай... разве не глупо? – поёрзал Даймонд и глотнул эйерна. – Казни шлюху и взбесишь всех пятерых... четверых царей-перевёртышей, – с удовольствием поправил себя Даймонд. – Казни княжну и взбесишь двоих: женишка – нового царя Адмора, да старика Ли. Казни Игрейну Пятую из Дан-на-Хэйвин, ну, гипотетически, затронешь только дракона Ксениона, главу её клана. Ещё Адморская малышка-девочка что-то значит, но лишь в денежном эквиваленте. Что до остальных, то они вообще ничего не весят для перевёртышей. Ах да, я слышал, Моргану Аргиад и есть дочь дракона Ксениона. То есть тоже Дан-на-Хэйвин. Казни ты эту шлюху и взбесишь... всё равно пятерых.

– Да, ты прав, Ксенион имеет вес. Но по факту он не имеет собственной армии, как цари-перевёртыши, – рассуждал вслух герцог, потирая подбородок. – И ты кое-что упускаешь. Сапфир говорил мне, что перевёртыши ради женщин, пусть даже близких, потомков на смерть не способны послать. Тогда как княжна Чайна Циан отобрана для Адмора, чтобы родить ему наследника по контракту. И это другое дело, потому что её потомство должно быть необычайно сильным, сверхсильным. Для всего Адмора это значение имеет просто гигантское. К тому же после выполнения договора с Адмором княжна может принести Ли ещё уйму денег, заключив по одному контракту и с другими царями-перевёртышами. Сильные наследники – это отличное вложение в их понимание, а значит, их будущая мать, княжна, куда ценнее, чем шлюха, которая даже забеременеть не может.

– Сапфир и это тебе сказал?

– Он сказал, что эскортам заиметь детей настолько сложно, что почти не реально.

– Да, а считалось раньше, что люди не могут производить потомство от перевёртышей, – с небольшой долей скепсиса сказал Даймонд. Его постепенно перекосило от отвращения: – А вот и драконы на свет появились.

– Я не знаю, – недовольно признал Сильвертон, – но когда он говорил об этом, то сказал «только чудом» и настолько глупо и пошло захихикал, что я не сдержался и врезал ему.

– Куда делась Оливия? – внезапно спросил Даймонд у Энтони и Джереми и обернулся к Сильвертону снова: – Ты всегда отсылаешь её куда-нибудь, когда надо поговорить с Сапфиром. Я прав? Твоя жена не позволила бы колотить моего папашу. И ты знаешь это.

Герцог тяжело вздохнул, задумался.

– Я ничего не могу с собой поделать, – сказал он. – Этот... вызывает во мне чувство такой гадливости, будто я вынужден общаться с существом, полностью состоящим из животного дерьма.

– А ты ему нравишься. Он сам мне это сказал.

– Он чокнутый лицемер.

– Кстати о чокнутых, – бодро вставил Роджер. – Это лишний повод казнить царскую подстилку. Она не просто бешеная истеричная идиотка. Она чокнутая больше, чем кто-либо. Я не специалист, но, по-моему, она близка к почти полному дебилизму. А вы удивляетесь, почему я её не осчастливил. Да ей в глаза смотреть страшно. Там будто все демоны ада.

До сих пор Брайан молчал, потому что не хотел услышать упреков отца и в свой адрес. Несмотря на примерное поведение, его бездействие тоже было для Сильвертона большой темой, ведь сейчас, во время войны, когда каждый мечник был на счету, близнец Роджера, оказывается, принадлежит к мирному монашескому ордену и сражаться не может. И тем сильнее была досада очень многих от того, что Брайан с детства и до сих пор тренировался в паре с братом, а тот считался первым мечником среди крылофитов. О таком достоинстве Роджера, как виртуозное владение мечом, южане с удовольствием забывали из-за аморального облика распутного наследника Сильвертона, тогда как праведный вариант сына предводителя Юга не переставали нахваливать и зазывать в действующую армию. Таким образом, Брайан потенциально считался воином первого порядка. И подтвердил общее мнение о себе, когда перевёртыши несколько десятков лет назад прорвали осаду столицы и влетели прямо в Деферран. Тогда-то пришлось взяться за меч. Но как только осада была снята, Брайан вычистил кровь с сутаны и пошёл на исповедь. Он считал жизнь любого разумного существа крайне ценной и мог бы доказать это примерами из Священных Текстов.

– Я против казни эскортесс, – проговорил Брайан. Все разом обернулись к нему, да так посмотрели, что другому на его месте сделалось бы неловко. – Если она и вправду держит в себе демонов? Обряд изгнания не повредит. Ну а всего остального можно добиться постом и молитвой.

– Старик Даймонд сейчас рехнётся, – негромко сказал Джереми, чуть склонившись к плечу Энтони. – Дядя Брайан в своей стихии.

– Да уж. Мы тут о чокнутых шлюхах, а он – о демонах.

– Я настаиваю, – твёрдо сказал Брайан. Даймонд перестал пялить глаза, залпом выпил остатки эйерна, и, положив подбородок на скрюченные пальцы, демонстративно повернулся к Брайану.

– Милый мой, а что если красавица тебя соблазнит?

– Это не представляется реальным.

– А если сбежит?

– Обряды можно и в тюрьме проводить.

– А если покусает, убьёт?

– Роджер справился, а это значит, что и я справлюсь.

– Ну а вдруг всё будет бесполезно?

– Верну в ваше распоряжение.

Даймонд смотрел с насмешкой. На его лице проступило отчётливое «нет».

Роджер прокашлялся и подошёл к брату. По своей старой привычке навалился на плечо близнеца и мягко, вкрадчиво, объяснил возможную позицию Даймонда:

– Чтобы узнать, что всё идёт как надо, нужно прождать уйму времени. Казнь эскортесс, если её вообще совершать, будет иметь эффект именно сейчас. Потом казнить Моргану Аргиад будет не полезно. Не полезно – запомни это.

– А я вообще против казни, что сейчас, что потом. Запомни это, – передразнивая, отвечал Брайан.

– Ты вообще кто? – задал риторический вопрос Даймонд, лениво вставая. – Монашек, тебя никто и не спрашивал. Твой отец, принимая окончательное решение, как-нибудь обойдётся без учёта мнения какого-то там... духовника!

– Что думает Джулиан? – спросил Энтони, обернувшись к старшему брату.

– Я согласен с Роджером, – глубоким голосом говорил Джулиан. Главнокомандующий поднебесными никогда не звал маркиза Кардифа отцом. И последнему, в свою очередь, был безразличен этот факт. – Имеет смысл казнить её сейчас. Брайан, смирись, она же эскортесс. Котёл с кислотой – всё, чего она заслуживает.

– Нет, – покачал головой кардинал. – Моя совесть будет нечиста, если я дам этой женщине погибнуть.

– Кому какое дело до твоей совести?! – воскликнул Даймонд.

Герцог Сильвертон тоже подался вперёд:

– Тебя совесть не мучила, когда ты сидел в монастыре и молился за нас, вместо того, чтобы быть там, где мрут крылатые и прикрывать хоть немного?!

Роджер застонал, предвидя обмен репликами, которые слышал уже пять сотен раз.

Брайан немного повысил голос:

– Вы можете объявить им, что в качестве акции устрашения ослепили княжну. Чем не показательная казнь?

– Нельзя, – покачал головой Даймонд и, потоптавшись немного, сел. – Это резко снизит цену самой княжны.

– Стало быть, ослепление – твоя ошибка, – быстро сказал Энтони. – Вообще, что за практика такая?! Перевёртыши и без глаз способны удирать. Толку...

– Дайте хоть посмотреть на неё, – продолжал говорить Брайан. – Я слышал, эскорты подобны диким животным. Не может такого быть, что в каждом из них сидит демон, но по молитве Единый может дать облегчение её душе, если не исцеление, – он немного помолчал и заявил: – Я сразу же признаюсь, если надежды спасти женщину не будет.

– Ты не до конца искренен, – увидел герцог.

– Если я буду увиливать, Роджер почувствует это. Пусть присутствует при моих встречах с эскортесс.

– Нет-нет... – начал было Сильвертон, но тут диван вдруг взлетел в воздух, врезался в стену рядом с окном, выбил ножкой стекло, а с пола в это время поднялся Сапфир.

– Слушайте Брайана, я сказал! – хрипло заорал родоначальник. – Вы, крылатые, забыли, что вы лучшее творение Господа! Вы, крылатые, забыли о своём предназначении!..

Он замолчал, опустил голову, ссутулился и побрёл к выходу, ворча что-то о том, что он согласен бросить пить почти навсегда, если Брайану дадут Моргану Аргиад.

Сильверстоуны позволили Сапфиру уйти без своих комментариев. Даймонд, как и все, проводил своего отца взглядом, после чего пожал плечами и сказал:

– Раз так сказал ясновидящий, по какой бы причине он так не говорил, значит, Брайан добьётся своего.

Ричард Сильвертон молча смотрел на Даймонда и уловил тот момент, когда пробуждённый древнейший спрятал нижнюю часть лица в ладони и совсем тихо, сам себе, проговорил:

– А может это потому, что Моргана Аргиад – внучка той Игрейны. Право, лицемер.

После чего Даймонд закрыл глаза и явно стал засыпать, клонясь к спинке своего кресла.

Герцог, шумно выдохнув, поднялся:

– Хорошо, иду составлять пакет с предложениями для северян. Джулиан, идём в кабинет.

Энтони и Джереми покосились на Роджера, одного из худших отцов всех времён, как они считали, переглянулись и, тихонько, за его спиной, вышли.

В гостиной остались только близнецы и Даймонд. Роджер плюхнулся на место герцога. Брайан присел на место Джулиана. Оба наблюдали за тем, как красивенький сынок родоначальника постепенно заваливается вбок, к подлокотнику. Когда голова Даймонда неудобно свесилась, и крылатый всё же не проснулся, близнецы переглянулись.

– Итак? Где она? – спросил Брайан, вздохнув.

– В тюрьме, в Синеренесси. Её и строили для эскортков. Голые стены по шагу в толщину и... всё.

– Это же... поспешим. – Брайан скорым шагом двинулся к дверям. Но Роджер не шевельнулся.

– Сейчас?

– Хотелось бы как можно быстрее вытащить её оттуда. Даже в скале у отшельника в Арнс, женщине, любой, было бы наверняка уютнее, чем в каменной клети.

– Ничего с ней там не случится, – махнул рукой Роджер. – Ты слишком добр.

– Что мешает тебе быть добрым?

– Станный вопрос. Рэй, умирая, сказал Сен-Монфору, что его ранила красивейшая из женщин.

Брайан замер. Для него всё сложилось.

– Так вот почему и Джулиан, и отец, и ты, так хотите её смерти? Из-за того, что она в честном бою ранила, не смертельно, нашего, извини, глуповатого младшего брата, а он всё равно, истекая кровью, бросился снова в атаку? Он умер из-за собственной... глупости, да, другого слова не подобрать.

– Ну, если ты глупостью называешь доблесть, то я рад, что ты монах. От таких, как ты, армию спасти надо было бы.

– Доблесть-то доблестью, но головой всё ж надо пользоваться и трезво оценивать ситуацию. Согласись, Рэй был очень молод и полон предрассудков.

– Ты всё равно ничего не смыслишь, – поморщился Роджер. Он выглядел взволнованным и расстроенным. – Мне даже кажется, что объяснять тебе бесполезно... И не думай больше высказывать своё мнение о военных действиях в присутствии ветеранов! Нет, вообще в присутствии мужчин, настоящих мужчин!

Ненадолго стало очень тихо.

– Разбирайся с этой шлюхой сам, – продолжил Роджер. – Знаешь, желаю тебе удачи.

Роджер встал и вышел.

Брайан подумал и прокричал в открытую дверь:

– Разыграл обиженного, чтобы только не ехать в Синеренесси? Навестишь ближайший дом свиданий вместо дела – тебя и вычислять не нужно!

В ответ послышался короткий смешок. Значит, Брайан угадал.

Даймонд очнулся и побрёл к себе в спальню.

Глава 2. Моргана Аргиад

Крепость-тюрьма в Синеренесси оказалась именно тем, о чём подумал Брайан: толстые стены, никаких окон, двойные и тройные двери, сложная система запоров, охрана на каждом шагу. Дверь в камеру эскортесс перегораживал огромный ящик с железным ломом. Брайан не мог оторвать глаз от него. Он уже некоторое время расспрашивал стоящего рядом фита Шана, вполне дружелюбного начальника тюрьмы:

– А что она ест?

– Да всё подряд. Что даём, то и ест. Сначала морили голодом, чтобы ослабла, но она и спустя три недели умудрилась дверь сорвать, так что...

– Теперь, значит, кормите?

– Да. Три дня назад пришло письмо от Сапфира Сильверстоуна с просьбой кормить иногда.

– Это странно, господин комендант.

– Вы не знали?

– Да, не знал. Некоторое несовпадение по времени налицо, но на то он и ясновидящий, чтобы наперёд всё знать. Так ведь? – улыбнулся Брайан.

Шан с некоторой неловкостью ответил на улыбку.

– Жаль, что не кормили, – покачал головой Брайан. – Теперь она наверняка ещё больше нас ненавидит.

– Да уж, ненависть – это подходящее слово. Однако это маркиз Кардиф распорядился о том, чтобы ей давали только воду.

– Лично? Мой брат лично сказал вам об этом?

– Совершенно верно.

– Ох, я не ожидал от него такого. Либо я плохо знаю его, либо она настоящий зверь.

– Второе. Без сомнения, – Шан так протянул слова, что Брайан не мог не взглянуть в лицо тюремного начальника.

– Этот ящик перед дверью... – нерешительно начал крылатый, но фит всё понял и поторопился объяснить:

– Он для спокойствия охранников. Заложница двум ребятам разорвала руки, а одному живот распорол, когда вырывалась.

– Убила?

– Нет-нет. Про остальных речей можно не заводить – у тех всё быстро восстановилось.

– А оружие... откуда достала?

– У неё нет оружия. У неё зубы... острые и длинные... – Шан мучительно сглотнул, – становятся, когда она голодна.

– Так, а есть ли какой-нибудь способ её обездвигнуть, пока я буду читать? – Брайан поднял выше сборник Священных Текстов, который до сих пор держал в руке.

– Она за шею прикована. Мы с другой стороны от стены подтягиваем цепь, чтобы ограничить её в движении. Это тоже указание его светлости.

– Тогда подтягивайте.

Шан удалился, а через тридцать вторую долю свечи пришли двое охранников, отодвинули ящик с ломом и стали, нервно прислушиваясь и замирая, отпирать замки и засовы.

Брайан вошёл в камеру. Маленькая, тёмная и холодная, с мокрыми стенами, камера действительно ничего не имела в себе. Разве что в углу зияло небольшое круглое отверстие. Пленница, как и обещал комендант крепости, оказалась притянута за шею к противоположной от входа стене. Женщина куталась в грязный, рваный плащ, если это был он, забрызганный кро-

вью всех видов существ. Гамма оттенков, от шоколадного до голубого, говорила о больших жертвах среди крылатых.

По всей планете распространилась слава Морганы Аргиад как самой красивой женщины всех времён. Она должна была бы как Даймонд Лайт поразить своей внешностью, но этого не произошло. Она вовсе не показалась Брайану красивой. Ничуть. Единственная общность, которая нашлась у этой женщины с Даймондом Лайтом, состояла в том, что в той стороне, в которой находилась эскортесс, стена, пол, даже воздух казались светлее, чем должны были быть.

Общее состояние северянки было неважным. Она выглядела вялой, смотрела чуть затуманенными, пустыми и мутными, водянистыми глазами.

Аргиад осталась стоять на месте неподвижно. Осмотрев его, широко и зло улыбнулась. У Брайана мурашки поползли по плечам. В её глазах появились бешенство и жажда убийства. Она схватилась за свой ошейник, попыталась его сорвать с рычанием, затем повернулась спиной и начала что-то делать с цепью. Брайану показалось, что сейчас она вырвется и набросится на него – столько алчной кровожадности он увидел в этой женщине.

Скорее раскрыл Священные Тексты и стал читать.

Эскортесс начала рваться не сразу. Она поняла, что в ближайшее время ей не удастся разогнуть одно из звеньев цепи – они были слишком велики. Она заревела как животное, хрипло захохотала, потом что-то кричала ему. Брайан не слушал совершенно. Он вздрагивал и продолжал читать. Постепенно к нему пришла уверенность в том, что она не вырвется, тогда и стало спокойнее. Теперь он стал озвучивать слово за словом, вдумываясь в смысл того, о чём было написано.

«Приди и вселись в нас... освяти и исцели...»

Начал посматривать на эскортесс. Видя, как она бездумно мечется, он проникся жалостью и действительно, всем сердцем, пожелал ей очищения, вразумления, исцеления от жуткого недуга.

Когда устал, когда душевные силы иссякли, просто молча ушёл.

Вернулся на следующий день. Всё повторилось так же. В этот раз, посматривая на неё во время отчитки, он случайно заглянул в её усталые глаза. Она всю ночь пыталась освободиться, как ему сказали. Но если бы он увидел кроме усталости хоть что-то естественное... Нет же, по глазам видно было, что единственное её желание – сделать с ним ужасное. Его это впечатлило.

Некоторое время одними лишь глазами и губами читал Тексты. Но даже голоса не вкладывал, так хотелось ему спросить у неё, есть ли хоть кто-то на Клервинде, кого она, эта страшная женщина, ценит и любит, к чьей персоне относится аккуратно и ласково. Осознал, что читает машинально и захлопнул книгу. Закрыл глаза, опёрся спиной о стену, откинул голову. Он давно не чувствовал за собой такой слабости.

Некоторое время просто отдыхал. Эскортесс однообразно, на низкой ноте, рычала.

– Знаешь, – заговорил он медленно, обратив взгляд не к женщине, а в угол, – ты поселила во мне сомнение.

– Что ты несёшь? – крикнула она.

– Сомнение, говорю. Меня называют «почти святой Брайан» потому ещё, что со дня на день чего-то ждут от меня, ждут что-то такое, что позволит назвать меня действительно святым. Но как мне стать святым, когда я сомневаюсь?

Женщина, на удивление, слушала. Понимания в её глазах Брайан не видел абсолютно никакого. Похоже, просто затихла, и потому, что ей потребовалось время, чтобы осмыслить его слова, либо была воспитана в крайнем уважении к чужой речи, что пришло ему на ум, как маловероятная, но, возможность. Он продолжал разговаривать с ней, одновременно рассуждая вслух, к чему никогда раньше не имел привычки:

– Нет, если ты спросишь, то это не то Сомнение, когда сомневаются в Боге или в его Воле. Я начал сомневаться в некоторых Канонах. Ведь когда-то мы, крылатые, считали себя единственными разумными созданиями Бога. Мы называли себя Людьми. А теперь есть не крылатые люди, фитотипичные люди, люди-перевёртыши. Теперь мы зовём себя просто крылатыми, уступив слабому виду право зваться так, как они звались прежде. И, несмотря на то, что они, нынешние люди, а так же фиты и перевёртыши очень далеки от нас (кто-то даже молится своим богам), нельзя подвергнуть сомнению тот факт, что душа у них есть.

Брайан перевёл дыхание.

– И вот – ты. Есть очевидная причина тому, что я сомневаюсь в том, есть ли душа у тебя. Ты не знаешь веры, вся жизнь твоя – грехи. Ведёшь себя, как дикий зверь. Убивала без жалости, без уважения к смерти издевалась над трупами... От моего младшего брата, говорят, остались только... – Брайан представил воочию то, что собирался сказать и его слегка замутило.

– Не понимаю, – спокойно отметила эскортесс. В её спокойствии было столько холода, что ему вспомнилось, что женщина вращалась в самых, что ни на есть, высочайших кругах севера. Маркиза, значит, ровня по титулу. Как это сливки северного общества терпели эту безумную? Впрочем, красивейшая наверняка вела себя удовлетворительно, если получала всё желаемое. А она получала всё. Почему бы не получить все блага в обмен на услуги интимного характера, тем более, что завсегдатаями её постели были цари?

– Не понимаю, – равнодушно повторила эскортесс.

– Я вижу это, – кивнул Брайан. – Сейчас попытаюсь частично объяснить. Хотя то, в чём ты не можешь понять и мелочи – сложнейшая наука. Так любит говорить кардинал Иеджессо. Я говорю тебе всё это, потому что ещё есть надежда...

– Иеджессо?

– Эскорты, насколько я знаю, на три четверти человеческого рода. А люди, до пришествия на Клервинд первых крылатых с Аконита, жили крайне скудное количество лет. То есть, каким бы грехом они не калечили свои души, люди умирали раньше, чем окончательно погибали их души. Были и исключения. Да и сейчас есть, уверен в этом. Человек, изнасиловавший и убивший две сотни детей своего вида ещё до сорока лет... разве имеет душу к моменту смерти? Нет. Потому я начал сомневаться, а не бесполезно ли то, что я делаю? Ведь если ты так же творишь, без ограничений, зло, а тебе лет двести, то...

– Мне примерно семьдесят.

– О. Так ты не старшая из эскортов?

– Были старше меня, но их казнили.

– Кто?

– Отец. Дракон Ксенион.

– За что?

– За убийство Игрейны Третьей, за растление подростков, за поедание человеческих детей...

– Стой-стой! – Брайан выставил вперёд руку. – Ты... делала подобное?

– Я должна убивать только крылатых и фитов.

– Но... делала?

– Нет, не слишком хотелось.

– А если бы сильно хотелось, то ты бы сделала это?

– Я всегда делаю то, что сильно хочется. А ты разве нет?

– Да, если это доброе дело. Добру нельзя противиться. Обычно. Опять же есть исключения...

– ...Что-то много исключений.

– Не цепляйся к словам, женщина. Так вот, я подумал, твоя душа уже мертва и то, что я делаю, бесполезно.

- А что ты делаешь вообще?
- Я возношу молитву Единому в надежде на очищение не только твоей души, но и разума.
- А что с ними не так?
- Они больны, они двигают твоё тело на совершение зла. Не так задумано Единым, – Брайан покачал головой.
- Зачем тебе это?
- Зачем? Если Бог очистит тебя, то ты не убьёшь другого моего брата и не причинишь мне боли.
- Я всё равно убью его. Он пленил меня.
- Ты должна простить ему это.
- Нет, не должна. Это война: весь смысл и есть в убийстве врагов.
- Вовсе нет, насколько я могу судить, весь смысл в точном исполнении приказов военачальников. Есть же в истории войны вовсе без кровопролитий.
- Нет! Нет.
- Есть, женщина, есть. Историю читать пробовала? Нет, ты хоть читать-то умеешь?
- Да.
- Я напишу тебе на стене краткую молитву – будешь читать её каждый день и исцелишься.
- Зачем мне это? Чтоб... я не понимаю. Не понимаю смысла... Зачем всё это?
- Я же говорил: чтобы ты исцелилась.
- Я больна?
- Да, я говорил об этом уже.
- А чем я больна?
- Я и об этом уже говорил. У тебя плохая память?
- Ты... не можешь ли просто... сдохнуть?
- Брайан опешил, но затем сам подумал, что нечему тут удивляться и ответил:
- Я бы рад, поверь. После смерти, меня-то, ждёт действительно лучшее существование. Господь примет меня в свои объятия – блаженство. Но причинять боль своим близким я не намерен. Пусть это делает Господь – наш Отец, Создатель и Хозяин.
- Заткнись и уходи тогда. Я всё равно не понимаю, о какой боли ты толкуешь и ни слова о твоём «Господе»...
- Разве тебе не было больно, когда умерла Игрейна Третья? Она же была твоей кузиной, нет?
- Я знала её. Это я должна была охранять её. И мне не было больно. Эскорты не чувствуют боли.
- Про то, что вы не чувствуете физической боли я слышал. А душевной? Что, тоже нет?
- Душа, душа... уходи.
- Я ещё не решил ничего.
- И Брайан снова открыл книгу.
- В следующий раз он пришёл с новостями. Но:
- Опять будешь болтать – загрызу, – сказала ему женщина, пока за ним закрывалась дверь.
- Тогда ты обо всём узнаешь самая последняя.
- Так тому и быть, – пожала плечами эскортесс.
- Отлично, тогда я буду молиться вместо тебя.
- И раскрыл молитвенник.
- Несколько дней он беспрерывно, по многу свечей, молился за её душу. Сомнение никуда не ушло. Как только он начинал думать, что эскортесс отличается от животного, она снова начинала орать и выть или смотрела таким пустым взглядом, что хотелось всё бросить и покинуть это место навсегда. Её взгляд действительно чаще всего был бездушным и ничего не выра-

жающим. Именно этот взгляд и не давал ему избавиться от ощущения, что у этой женщины нет души, разум же склонялся к тому, что душа обязана быть. Оценивая свои метания будто со стороны, Брайан критиковал себя нещадно, и, внимая голосу совести, продолжал делать то, что должен – молиться.

Что касается её личности, то Роджер был прав только в одном – она не показывала развитого интеллекта. Память её удерживала далеко не всё. Она вовсе не вела себя как соблазнительница, не вела себя и резко неадекватно ситуации. Сознание её было слегка смазано, будто бы она всё время находилась в состоянии опьянения или в сильной болезни. Но так только казалось, потому что она всегда понимала, где находится и что происходит. Это состояние, с точки зрения Брайана, не объяснялось ни голодом, ни какой-либо хворью. Временами женщина прилагала все силы, чтобы вырваться, а затем целыми днями прибывала в полной апатии. Длительность активного и пассивного периодов была неравна, и переход иной раз случался очень резко.

В один такой день Брайан как всегда читал Священные Тексты, сидя на холодном полу возле двери, а ей достаточно отпустили цепь, чтобы она могла лежать подле своей стены – противоположной. Это был, казалось, один из тех дней, когда она только и делает, что дремлет и постанывает. Закончив с молитвами и чтениями, Брайан встал. Но за вздох до того, как он крикнул, чтобы отпирали, он, неловко пошатнувшись, оказался прямо в зубах эскортесс – она так быстро метнулась в его сторону, что он едва увидел это. Она прыгнула головой вперёд и достала до его груди зубами. Ей попался крест, так что она вцепилась в руку и прокусила ладонь насквозь.

Шок помешал крылатому сразу среагировать на нападение. Тем временем женщина уже рванула его на пол и подтащила ближе к себе. Она рвала его плоть зубами и мужчина сквозь боль, ужас и отвращение понял, что как только зубы эскортесс приблизятся к его шее – он мёртв. Брайан ощущал себя парализованным, так что единственным решением было – воплотить меч. Нужна всего лишь мысль о клинке, и он тут же появляется в руке. Хватило одного точного и сильного замаха, чтобы вонзить меч в женщину. Меч вошёл в её тело возле ключицы с шипением и хрустом и превратил все внутренности в месиво, когда повернулся в ране. Кончик клинка должен был оказаться где-то в её бедре. Моргана Аргиад затихла. Брайан отшвырнул её от себя и откатился к стене. Меч призвал обратно прямо из её тела и убрал оружие, отпустил, расформировал из предмета в бесплотное магическое свечение воздуха. Тени потеряли свою контрастную черноту, свет перестал быть таким тусклым.

Некоторое время оба лежали молча. Тело эскортесс восстанавливалось, пока его хозяйка не приходила в сознание, и уже была почти цела, когда задышала и открыла глаза – вот уж кому никогда не требуется никакого лечения в принципе. Крылатый ещё долго сидел и исцелялся, привалившись к стене и подобрав ноги.

– Я понял две вещи, женщина. Первая – моя молитва в твоём случае особой силы не имеет. Второе – я зря тебе не рассказал о самом главном. Теперь я расскажу и посмотрю, как ты будешь вести себя дальше.

Моргана Аргиад всё ещё молчала, но теперь она открыла глаза.

– Вот уже три периода между Севером и Югом – перемирие, – сказал Брайан и замолчал, внимательно глядя на эскортесс. Она посмотрела на него без выражения, но постепенно начала хмуриться. Молчание длилось так долго, что Брайан почти полностью привёл себя в порядок. Остались только рваные дыры на монашеском облачении ордена, которое он носил в непраздничные дни и голубоватый блеск его перламутровой крови на всех поверхностях вокруг. Да, так. В целом всё в порядке, если не обращать внимания на тот маленький, поблескивающий серебром кусочек, похожий на часть одной из его внутренностей. Неужели... печень?

– Как будто от этого я меньше должна хотеть тебя убить, – сказала-таки она после длительного молчания.

Брайан серьёзно отнёсся к её ответу, но вдруг улыбнулся и как бы заплодировал:

– Отлично! Отлично! Просто удивительно сложенная логическая цепочка!.. Ты делаешь успехи!..

Моргана захлопала глазами, помолчала и чуть улыбнувшись, ответила:

– На самом деле я очень умная. Однажды я перехитрю тебя.

– Честно говоря, я надеялся, что мы подружмся. И, кстати, я никогда не хитрил с тобой.

Мой брат – наверняка. Но не я.

– Тогда отвечай: когда меня хотят казнить?

– Пока что казни не будет. Если твои товарищи, хозяева, родственники сделают что-то вразрез с протоколом ведения мира, то – да, тебя казнят, и я уже не стану никого отговаривать.

– Ты так сказал, будто отговаривал раньше.

– Да, так и было.

– А что изменилось?

Он поднял левую руку, чтобы она полюбовалась на свисающие от локтя лоскуты, когда-то бывшие рукавом его рясы.

– Ты испортила моё повседневное облачение. А я неловок в шитье.

Молчание.

– Разве у тебя нет того, кому можно это поручить? Я о тебе знаю – ты же маркиз и кардинал...

– Полно народу. Однако все ждут от меня, что я восприму это как маленькое испытание и с честью пройду его самостоятельно. А мне зубами скрипеть хочется, когда я об этом думаю.

Моргана Аргиад села и задумалась, да так надолго, что Брайан уже прочитал дневную норму молитв к тому моменту, как она вскочила.

– Давай подружмся, – неожиданно сказала Моргана Аргиад.

Брайан еле сдержал взрыв конеподобного ржания. Хотелось бы, чтобы женщина озвучила ход своих мыслей. В противном случае он таки рассмеётся ей в лицо.

– Зачем? – спросил он, не в силах сдерживать улыбку.

– Я не хочу, чтобы меня казнили. Классик ненавидит вашего Сапфира. Он нарушит мир.

– И как ты пришла к выводу, что именно дружба со мной способна спасти тебя?

Она наклонила голову и посмотрела влево.

– Сложно объяснить.

– Попробуй. Я тоже очень умный.

Он улыбался, и эскортесс посмотрела на него так, будто сомневалась и оценивала его ум по внешнему виду.

– По дружбе ты сможешь принести мне иголку с ниткой, и я сама всё сделаю, а ты, за это, по дружбе, не дашь меня казнить.

Брайан бы назвал всё это по-другому, но ему сейчас важнее было «подружиться» с эскортесс. В конце концов, так поступал и Роджер со своими целями – втирался в доверие или находил общность, точку соприкосновения. Для этапа сближения подходил даже общий враг.

– Идёт. А ты уверена, что справишься?

– Да.

– О, да ты и врать умеешь... Это тоже определённый признак ума, – сдержанно засмеялся Брайан. – Я буду тебе говорить, что делать.

На следующий день Моргана Аргиад постигала науку шитья. Она ругалась на шитуали (Брайан не знал этого диалекта) и то и дело пришивала себе пальцы к его рясе. Она действительно не чувствовала боли.

Перекинув к его стене зашитую рясу, она заявила:

– В следующий раз, когда я попытаюсь тебя убить, я постараюсь целиться сразу в шею, на случай, если ты выживешь, потому что я не хочу снова зашивать это. Это – настоящая пытка.

Брайан поморщился, разглядывая работу эскортесс:

– Друзья не пытаются убить друг друга. Никогда.

– Ты уверен?

– У тебя что, друзей нет?

– Насмешил. У меня есть моё прекрасное тело.

– Что-то я не вижу ничего прекрасного перед собой.

– Ну, это – ты. Тебя душа интересует.

– Хорошо подметила.

– Я же говорю: я – умная.

– Ты – дура.

– Нет.

– Да. Но может быть ты в чём-то права, женщина. Был бы я настоящим другом – помог бы тебе вырваться на свободу. Считай, что я тебя перехитрил и заставил зашить мне одежду.

– Эй! Так не пойдёт!.. А что же с моей казнью? Всё остаётся по-прежнему?

– Да. До тех пор, пока мы не подружimsя по-настоящему.

Женщина негромко и коротко выругалась.

Брайан не прилагал особых усилий, чтобы подружиться, но молитвы продолжал. Прошёл ещё один лунный период, прежде чем, прибыв в Синеренесси однажды, он узнал, что она сбежала.

Это случилось утром, на смене стражи. Она уже сломала одно из звеньев своего ошейника и разобрала деревянную часть своей двери, чтобы разогнуть затем прутья, которыми была окована дверь снаружи и, оставив часть одежды, пролезла в коридор. Когда охранник вошёл за вторую дверь с её завтраком – она оглушила его и, прячась, перебежками, достигла ближайшего окна, чтобы разогнуть прутья и вылезти. Самым интересным (кроме того, что эскортесс показала немалую силу), из всего этого было то, что звенья ошейника она сломала очень давно, и Брайан несколько дней молился рядом с ней совершенно никак не защищённый от внезапного нападения с её стороны, если бы такое пришло Аргиад в голову.

Брайан был уверен: раньше, до начала его отчитки, эскортесс просто не смогла бы выбраться таким образом. Ума и сдержанности не хватило бы. Каково же было искушение вонзить зубы в священника, не ожидающего подвоха? И каково было справляться со своей природой кровожадной убийцы, с ненавистью, и каково ей было пренебрегать возможностью отомстить ради свободы? Разве это не прогресс?

Он вернулся в Дефферан, чтобы встретиться с отцом-предводителем и племянником-главнокомандующим.

– Что ты хочешь сказать? – Сильвертон ходил по кабинету, нервничал.

– Кто занимается поисками эскортесс?

– Вся поднебесная армия, расквартированная рядом, – отозвался Джулиан. Он погладил пальцем красную узорную метку магической системы, змеящуюся из внешнего уголка левого глаза вниз, на скулу и влево, к уху, – псы взяли её след. Можешь быть спокоен.

– Она поумнела за последние недели особенно. То, как она выбралась из тюрьмы, говорит об умении выжидать и принимать взвешенные решения в цейтноте.

– Звери тоже способны на это, – парировал племянник. – Псы найдут её и растащат на куски, не беспокойся.

Возникла небольшая пауза.

– Брайан, ты не смыслишь в таких вещах, – резко сказал Сильвертон.

– Ты прав и я не спорю. Я лишь хотел предупредить, что следует ожидать сложностей и просто собаками тут будет не обойтись.

– Хорошая гончая выследит даже Красную Кэс, окажись она на месте Аргиад, – спокойно говорил Джулиан, разглядывая чуть светящиеся красные линии и знаки перед собой на столе. – И ни та, ни другая летать не умеет.

Опять пауза. Джулиан увидел что-то на столе и прибавил, не глядя на Брайана:

– К тому же за ней идёт Роджер. Один раз привёз её – привезёт и во второй.

– Но она поклялась убить его несмотря ни на что. Не думаю, что эта женщина достигла такого уровня, чтобы понимать, к чему это может привести.

– Скажи, она пыталась убить тебя?

Брайану не хотелось признаваться, но пришлось:

– Да, я был на пороге.

– И ты отбил, насколько я вижу. Уж если лучший мечник Юга не выживет... тогда Сапфир бы сейчас...

Ровно в этот момент вошёл пышущий здоровьем, жизнерадостный и энергичный Сапфир:

– Пусть вместо Роджера её вернёт Брайан.

Джулиан нахмурился. Он уже было стал поднимать руку к метке, чтобы связаться с подчинённым и отдать приказ о срочной замене, но Сапфир, тут же, жестом, его остановил:

– Нет, подожди. Я передумал, – ясновидящий помедлил. – Нет, да, пусть заменит... Или нет? Я не знаю. Да, нет. Нет. Пусть Роджер... так, э-э-э... любопытнее. Решено, Роджер. Всё будет так, как будет. Никаких замен.

Сапфир развернулся и пошёл к двери.

– Никакой угрозы Роджеру, если вы об этом, – обернувшись, сказал Сапфир и вышел, не прикрыв за собой двери.

– Так, значит, она пыталась тебя убить, – переведя дух, сказал Сильвертон. – За что же?

– Мне чудится сарказм? – поинтересовался Брайан.

– Просто расскажи.

– Тут нечего рассказывать. Улучила момент, набросилась, вцепилась зубами. Я ударил мечом всего раз. Всё. Ах, да, она сделала это потому, что воспринимала меня как врага. На тот момент она ещё не знала о мире.

– Думаешь, знание о мире что-то изменило бы?

– Она разорвала звенья цепи и несколько дней, пока готовила побег, сидела напротив меня спокойно – выжидала. Хотела бы убить – убила бы.

– Так во-о-о-от почему... Считаешь, это всё твои молитвы? – в голосе сиятельного герцога чувствовалась-таки насмешка.

– Божья воля, – строго ответил Брайан.

Ричард Сильвертон проглотил ругательство. Он был верующим крылатым, но ненавидел, когда родной сын начинал надевать безличную маску приходящего духовника.

– Когда Роджер вернёт её, – сказал, чуть успокоившись, герцог, – мы усилим охрану, а ты...

– ...А я должен быть вхож к ней как прежде.

– Пожалуйста, раз ты так хочешь. Проверь себя сколько угодно. Давай, усложняй себе жизнь.

– Ну, раз ты не против этого... – Брайан предпочёл исчезнуть с глаз отца, пока тот не передумал. Джулиан, всё присматривая за своими линиями и знаками, ни к кому, казалось бы, не обращаясь, спросил:

– Думаешь, уже влюбился?

Сильвертон видел, что Брайан ещё не ушёл и сын, закрывая дверь в кабинет, на мгновение встретился с глазами отца. Тот выглядел серьёзным.

Послушать ответ Брайан не вернулся.

Прошло всего два дня, и вот – снова тюрьма Синеренесси. Другая камера: ниже, холоднее, чуть более влажная. В ней немного дурно пахло. Видимо раньше здесь держали человека или нескольких шипастых перевёртышей. Моргана Аргиад дышала через накиннутый на нос воротник рубашки. Её руки и ноги были прикованы к стене цепями, в два раза толще той, единственной, предыдущей. Она лежала на полу под стеной, свернувшись в клубочек. Похоже, это единственная поза для сна, которую могли позволить цепи.

- Как там, на свободе? – спросил Брайан, усаживаясь.
- Сияешь оттого, что меня поймали, или оттого, что я твоего брата не убила?
- И от того, и от другого.
- Я тебе так нравлюсь?
- Нет. Мне нравится мысль о том, что я таки сделаю из тебя добродетельную леди.
- Какую?
- Я читал тебе несколько историй о добродетели. Помнишь?
- Нет.
- Тогда прочитаю ещё раз.
- Это же неизбежно, да?
- Да.

И Брайан снова читал. День за днём. Моргана Аргиад начала задавать вопросы о смысле Текстов. Это, а так же изменившаяся речь эскортесс, убедили Брайана, что он выиграл свою битву.

Время заключения Морганы Аргиад длилось уже больше полугода, женщина общалась дружелюбно, смотрела с надеждой, и потому Брайан стал частенько бродить по её камере так, что заходил в зону её досягаемости. Ему теперь казалось, что вопрос уже стоит не о том, есть ли у неё душа, а о том, станет ли эскортесс частью церкви Единого. И он склонялся к тому, что должна бы стать. Но он не был наивен:

– На севере, так же как и ты, в длительном заключении, находятся двое моих внучатых племянников, – сказал как-то Брайан – эскортесс. – Тебя наверняка обменяют на одного из них.

– Скоро?

– Не могу сказать более определённо. В моей семье властвует убеждение, что священник вроде меня, как и любая женщина, ничего о внешней жизни знать не должен.

– Понимаю. Все знания, что я сумела накопить, я почерпнула, присутствуя при разговорах других: людей или перевёртышей, – Моргана была настроена на долгий разговор и Брайан, ожидая сейчас услышать историю, из которой вполне могла следовать натуральная исповедь, опустился на пол там, где стоял – довольно близко к эскортесс. Но она лишь посмотрела на него с приязнью и спросила:

– Почему никому в голову не пришло, что эскортов можно обучать?

– Потому что вы своевольны до крайности, а силовые методы принуждения на вас не действуют. Наказывать вас нечем, разве что введением ограничений. Представь: не выучила урок – в тюрьму на ночь. Хотелось бы?

– Нет, лучше не надо.

– И, к тому же, твоя образованность – дело затратное, да и не выгодное тем, кто хотел бы тобой управлять, как своей вещью.

– Почему?

– Чтобы вопросов не задавала. Чтобы не усомнилась в том, что необходимо выполнить приказ. Сомнение может привести к тому, что ты не исполнишь в точной форме то, что от тебя требуют. Или вовсе поднимешь бунт. Ясно?

– По твоей вере греть постель одного из царей и убивать по его приказу страшно плохо. У нас это почётно.

– Я думаю, что по любой вере это не хорошо. Дело в том, что большинство слабо понимает сущность Божественного Учения. А ведь основные Каноны прочно вошли в мирское сосуществование, и считаются законами вполне практическими. К сожалению, с каждым новым поколением меняется взгляд на практику применения этих законов и отношение к их соблюдению год от года меняется. И меняется, надо сказать, до неузнаваемости. Если внимательно присмотреться, то увидишь это здесь, на юге. На севере, естественно, проблема существует в гипертрофированной форме благодаря оккупации перевёртышей. Им выгодно то, что ты делаешь, и они культивируют подобные поступки. Потому-то кажется, что на севере твои обязанности чуть ли не почётны.

– И славны, – Моргана некоторое время хлопала глазами. Кажется, она поняла не всё то, что он сказал, или, может, он говорил слишком быстро, сложно или вовсе не верно? Она тряхнула головой и повторила:

– Славны.

– Это дурная слава. Вспомни, как на тебя смотрели женщины.

– Э, нет. Мне не вспомнить. Я не обращала внимания ни на одну женщину кроме наследниц клана Дан-на-Хэйвин.

– Наследницы были с тобой ласковы?

Моргана наклонила голову к плечу.

– Нет.

– Вот и ответ.

– Но мы ж одного пола.

Брайан, было, раскрыл рот, но поджал губы и сменил тему:

– Мы попытаемся как-нибудь поговорить ещё об этом. Но всё-таки, хотела бы ты научиться читать на современном крылофитском?

– Хотела бы.

– Затем, чтобы читать перехваченные письма, когда война снова начнётся? – прищурился и улыбнулся Брайан. – На современном крылофитском написаны все Книги Свидетельства. Все Священные Тексты, которые я тебе читаю, написаны именно на этом языке. Он близок к всеобщему звучанием и смыслом четверти слов, однако способ написания совершенно отличается...

– На всеобщем я тоже читать не умею.

– Тогда нам есть чем заняться.

– Ты хочешь обучить меня чтению, чтобы я читала сама Тексты и молитвы, а ты тем временем занимался чем-нибудь ещё?

– Если пожелаешь. Только вот в библиотеке Сильверхолла полно книг. Как только ты научишься читать, я мог бы принести тебе одну-две книги.

– Читать книги? Я бы хотела. Это... красиво.

– Что? – удивился Брайан.

– Игрейна Пятая постоянно и помногу читает. Это красиво. Потому я хочу.

– Невероятно... – Брайана поразило суждение эскортесс. Оно воспринималось им двойственно – нехорошо и не без юмора. Но уже через мгновение он кое-что вспомнил, и его это смутило не меньше: – Я, пожалуй, пойду.

Игрейну Пятую, единственную из заложниц, держали в отеле «Холодный каньон» в Деферране. Брайан слышал, что Сапфир заимел привычку читать там по утрам. Говорили, что он предвидит побег наследницы знатнейшего монархического клана людей.

Как иной раз бывало, Роджер по своим причинам оказался в том же отеле и, безмятежный, как после приятно затянувшегося свидания, встретил брата в фойе. Близнецы перекинулись парой словечек и прекрасно друг друга поняли.

Пробраться к Игрейне Пятой было легко. Милую улыбчивую мордашку Роджера Кардифа знали повсеместно, а та же мордашка при регалиях священника так же была везде вхожа.

Игрейна Пятая приняла их не без любопытства, и она, на удивление, даже некоторое время изображала полуулыбку:

– Чему обязана?

Голоса у них с Морганой были похожи. Игрейна говорила напористее, громче, но глуше и ниже. В лице у них тоже имелось сходство, но Брайан был не большим специалистом по внешности и сразу указать на что-то определённое не смог бы.

Брайан ответил на заданный вопрос:

– Моему любопытству и Моргане Аргиад. Ей было бы интересно услышать о том, как вы справляетесь с заключением.

Игрейна сразу ожесточилась:

– Морган Аргиад никогда не обращает внимания на женщин.

– Она сильно изменилась за последнее время. Сказала, что хотела бы прочесть что-то, рекомендованное вами. Собирается учиться читать на всеобщем.

– Вы лжёте, – и усмехнулась с оскорблённым и возмущённым видом. – Да так лжёте, что я просто вынуждена спросить: вы в своём уме?

Роджер едва сдерживается, чтобы не начать поддакивать Игрейне Пятой. Но в этот раз смолчал.

– Вполне, – Брайан подошёл к столику, на котором лежала стопка книг. – Судя по виду, все эти книги из библиотеки Сильверхолла. Раскроем-ка мы одну. Так-так... о, да здесь даже пометки Даймонда Лайта на полях.

Роджер оглядывал комнату:

– Сапфир, я смотрю, аккуратен, вещей своих не оставляет.

– Вас прислал Сильвертон?

– Сильвертону плевать на душевные муки Сапфира, – твёрдо сказал Роджер. – Собственно, мне тоже слегка всё равно.

– Тогда чего же вам надо?

– Мне не всё равно, – сказал Брайан, немного помолчал и продолжил говорить. – Мне надо, чтобы вы прекратили связь с Сапфиром. Если он опять решит, что...

– Связь?! – Игрейна явно опешила. – Какая связь? Ваши слова удивляют и оскорбляют! Я совершенно не из тех женщин, которым достаточно видеть душевные муки, как вы выразились, чтобы принять в свои объятия.

– Тогда?.. – Брайан постучал костяшками пальцев по столику с книгами.

– Я не знаю, чего он добивается, принося мне эти книги. Учитывая то, что он ясновидящий, само собой напрашивается вывод – он хочет натолкнуть меня на какую-то мысль. Посмотрите только, что он приносит мне... «Экономика» по Уэлсону, «Сельское хозяйство и способы восстановления»... Это похоже на ухаживание?

– Морган сказала, что вы любите читать.

– Это действительно так.

– Романы?

– Что вы! Я – практичная девушка.

– Получается, что Сапфир всё же вам угодил с выбором литературы, – мягко гнул свою линию Брайан. Но Игрейна Пятая посмотрела на священника так, будто он начал раздражать её и объяснила:

– Из всех редких, узкоспециальных изданий он приносит книги на научно-прикладную тематику, не подходящую для чтения принцессы. Если вы не видите этого, то наверняка за каждым словом, сказанным мужчине – женщиной и наоборот, а как же! подозреваете адюльтер. Потому что по себе судите? Нет?

– Не понимаю о чём вы.

– Моргана. Вы крутитесь возле неё не просто так. И не говорите мне, что хотите обратить её в свою веру! Хотели бы – начали б с меня!

Роджер, чуть припозднившись со смехом, тем не менее, отчётливо похихикал в кулак. Брайан тоже улыбнулся:

– Вы что, серьёзно? Вы не знаете? Да только я об этом подумаю, у меня на левом плече шипы ладонью в высоту вырастут. Кардиналы и епископы на себе носят магию, которая всему миру расскажет об их малейшем прегрешении мыслью, не то, что делом.

Игрейна присела. Она совершенно переменилась к нему:

– Так что, правду говорят, что вы – святой?

Брайан мгновение молчал.

– Был бы святой, сразу бы понял суть ваших взаимоотношений с принцем Сильверстоуном.

– Ну, по правде сказать, они не так уж просты.

– Расскажите.

– Я справлюсь с этим сама.

– Отлично, Брайан, идём, – Роджер, верно, вспомнил об очередном свидании.

– Так что же, по вашей молитве действительно даётся?.. – очарованно спросила у Брайана Игрейна. Сейчас человеческая женщина выглядела привлекательной.

– Не всё и не всегда. Иногда я молюсь о хорошем урожае, а год случается настолько голодный, что впору сапоги варить. Один мой друг говорит, что у Единого просто оригинальное чувство юмора, а я слишком серьёзен, чтобы его понимать... Однако я молюсь о вразумлении Морганы ежедневно и она, даю слово, ведёт себя всё лучше и лучше.

– Хотите поговорить о ней?

Брайан очень хотел побеседовать о Моргане, но остановил себя. Он разговаривал с Игрейной Пятой. А она могла и между строк увидеть нужную ей информацию. Женщин Дана-Хэйвин воспитывают в духе Игрейны Первой – императрицы и, в молодости, почти непревзойдённой королевы преображений и шпионажа. Не хотелось бы вызвать гнев Сильвертона в случае, если Сапфиру придётся разгребать последствия лишних слов священника. Брайану и так все кругом говорят ни во что не лезть и не беспокоиться.

– Я наблюдал в ней признаки уважения к вам, – осторожно начал Брайан, – и даже, где-то, детского восхищения. Сейчас она уже способна поддержать беседу наравне с вами. Но ей просто ужасно не хватает образования. В ней есть стремление стать ещё лучше, и вы можете поддержать её.

– Что я сделаю, сидя в клетке?

– Очень много: напишите ей на всеобщем. О чём? О чём захотите. Это поможет вам скрасить дни пребывания здесь и окажет услугу ей. А если вы порекомендуете ей книгу, то она будет воображать себя с этой книгой ещё более красивой.

– А вы влюблены. Потому так стараетесь.

– Ну, если только как отец для своей дочери.

Игрейна Пятая с улыбкой покачала головой. Роджер замычал и отчаянно зажестиковал, пытаясь показать брату, что его терпение и способность удерживать своё мнение при себе даёт трещину. Брайан нахмурился, будто бы от резкой боли, но тут же натянул улыбку и сказал:

– Поскольку вы не первая, кто мне об этом говорит, то сделаем вид, что я сам поверил в это.

– А если так, то скажите: что за манера у Сильверстоунов влюбляться в женщин из Дана-Хэйвин?

– Видимо были ещё прецеденты?

– Были. Спросите у своего близнеца.

– Я спрошу. Позже, – Брайан строго посмотрел на Роджера, который вмиг стал серьезнее. – Когда мне прибыть за письмом?

– Когда угодно. Я напишу в ближайшее время.

– Тогда разрешите откланяться... до завтра.

Дверь свободно распахнулась – вошёл Сапфир. Игрейна кивнула Роджеру, ласково улыбнулась Брайану и даже несколько кокетливо помахала рукой. Близнецы разошлись с Сапфиром, ни встретившись взглядом, ни сказав ни одного слова. Закрывая двери, Брайан услышал удивительно скрипучий голос Сапфира:

– Что ты ему машешь, он же священник...

– Симпатичный и добрый... – был лукавый ответ.

«Симпатичный и добрый» стоял возле дверей с закрытыми глазами и качал головой, а его внешне подобный брат, иногда куда менее добрый – увы, предпочёл неслышно уйти.

Наступил день, когда Брайан, сидя рядом с Морганой, вместе с ней, медленно, читал письмо Игрейны.

– ...«И, пожалуйста, напиши мне ответ», – Моргана вскочила на ноги и, схватив Брайана за руку, подняла тоже: – Это потрясающе! Игрейна Пятая!.. Письмо!.. Я прочитала!.. Я!

Моргана была в восторге. Она схватила его за плечи, быстро поцеловала в щёку. Он скорее испугался, чем что-то ещё. Сердце священника заколотилось как бешеное. И тут же остановилось вовсе – камни, к которым были прикреплены цепи эскортесс, выдвинулись вперёд и упали. Эскортесс снова готовила побег. Она быстро глянула на его лицо, убедилась, что он всё понял правильно, схватила цепи и попыталась оглушить его. Брайан увернулся, но Моргана была быстра, она толкнула его к стене так, что он крепко ударился затылком. Она снова попыталась нанести удар. Брайан уже был готов ко всему, и завязалась отчаянная борьба без лишних слов. Запыхавшийся, как любой крылатый после восьмичасового перелёта, он смог обездвижить её. Да, она была сильна, быстра, настолько изворотлива и гибка, что выскальзывала из любого захвата. Пришлось так закрутить и закрепить эти цепи на ней, что ей и дышать стало сложно. Всё происходило при обоюдном молчании и сверкании глаз.

– Чтоб тебя!.. – выкрикнув это, Моргана сдалась.

– Ты теперь и вправду хитрая, – Брайан сел рядом, привалился к стене. – Осталось только поумнеть.

Вместо ответа Моргана зарычала, как делала это в первые периоды знакомства.

– Я разочарован.

– А в чём дело?

– Лучше ты мне скажи, в чём дело.

– Ты дурак?! Я пленница в самой отвратительной камере во всей Вселенной!.. Ничего удивительного в том, что я хочу сбежать.

– А попросить нельзя?

– Что попросить?

– Я мог бы перевести тебя в келью в монастыре Сент-Линна. Там иногда держат провинившихся, но условия вполне хорошие. Я несколько веков жил в подобном монастыре.

– Провинился? – язвительно осведомилась эскортесс.

– Нет. Это обычные условия жизни для монахов моего ордена.

– И каково было тебе, маркизу?

– Вполне уютно. Увидишь – поймёшь. Весь монастырь изнутри расписан фресками и выложен мозаикой. Красиво, очень.

Брайан просветлел лицом, вспомнив те места.

– Что для этого нужно сделать? – быстро спросила она.

– Слушаться меня во всём от начала до конца, – вздохнув, сказал Брайан. Несмотря на то, что он вроде бы выдохся, укрощая эскортесс, к нему вернулась подозрительная бодрость. Не иначе брат занимался чем-то... чем-то...

– Ладно. Я согласна.

– Тогда проводи эту ночь здесь, а завтра вечером ты уже будешь в Сент-Линне.

– А кормят там лучше, чем здесь?

– Определённо.

Брайан начал было освобождать Моргану, но остановился.

– Для тебя, лично, есть что-нибудь особенное, сакральное? – спросил он у неё, замерев. Она взмахнула ресницами и долго смотрела ему в глаза, прежде чем ответить:

– То, чем я не могу пожертвовать, то, что я не хочу предавать – это память о моей матери. Она умерла, чтобы дать мне жизнь.

– Тогда поклянись её памятью, что не подставишь меня. Я не обязан всего этого делать, и, можно сказать, обнажаю шею палачу, доверяя тебе.

– Я клянусь памятью о моей матери, что не подставляю тебя и не предаю, а так же буду слушаться вернее, чем слушалась отца, Игрейну или хозяина.

Она подумала и добавила:

– Хотя это слишком сильная клятва для того лишь, чтобы пожить в монастыре вместо тюрьмы. Или может ты...

– В любом случае я принимаю твою клятву, – улыбнулся священник и стал освобождать женщину. – Не стану загадывать наперёд, но мой брат или отец могут захотеть посмотреть, насколько ты преданна мне и тогда тебе придётся вспомнить о своей клятве. Справишься?

– Я полностью в этом уверена. Но ты ведь задумал что-то ещё?

– Не могу давать гарантий, но мне хотелось бы отпустить тебя вовсе или сделать так, чтобы ты могла свободно гулять по Деферрану, пока ты здесь, на Юге. В конце концов, предводитель Сильвертон и ясновидящий Сапфир делают всё для того, чтобы этот мир между нашими сторонами стал вечным. Мы больше не должны драться, и теперь дружба для нас с тобой имеет смысл.

Моргана кивнула. После чего Брайан вернул камни в стену и, наложив руки, с помощью краткой и простой молитвы, только что сочинённой, соединил обломки со стеной.

– Ты... что ты... как ты это сделал? Я видела свечение.

– Я... исцелил камни.

– Вы разве не только живых можете исцелять?

– Вообще – да.

– Так как?

– Молитвой. Велика сила Единого.

– Хочешь сказать, это не ты... а Он?

– Совершенно верно. Я ухожу.

– Возвращайся! – крикнула она вдогонку ему, а сама, разок оглянувшись на камни за спиной, уже склонилась к письму Игрейны, торопливо и ласково разглаживая его.

Он мог бы ни с кем не совещаться, а просто перевести её в Сент-Линн и всё. Власти у него на это хватало. Однако, для того, чтобы всё было по чести, он собрал в белой гостиной отца, брата, старшего племянника, а так же родоначальника и его сына.

– Завтра я собираюсь перевести Аргиад Дан-на-Хэйвин в монастырь Сент-Линн, – объявил семье кардинал.

Такое молчание, как сейчас, обычно длилось ровно столько, сколько требовалось брату, чтобы закрыть рот, а отцу – рассвирепеть. Но Сапфир всех опередил:

– А что, хорошая идея.

Брайан встретился взглядом с ясновидящим и вздохнул свободнее. Значит, Моргана не сбежит. Значит, Моргана будет слушаться.

– Если Сапфир говорит, что проблем не будет, то я, пожалуй...

– Но как – ты? – завопил Роджер, вскочив. – Как ты мог влюбиться? У тебя же всё мужское отпало лет триста назад!..

– ...Девяtsот, н...

– Да даже если у тебя там, эстетическое восхищение!.. я допускаю такие формы влюблённости, но её рассудок болен!.. Как – ты?!..

– Долго объяснять.

– Попытайся. Вся ночь впереди. Или ты торопишься обратно в Синеренесси?!

Это был намёк на то, что Брайан даже ночи собирается проводить подле Морганы. Пусть обвинения и показались смешными, Брайан решил обороняться:

– Давай, попытайся объяснить, с какой из Дан-на-Хэйвин спутался ты. И, если у тебя получится, я объяснюсь.

Роджер захлопал глазами. Сильвертон уже обратил на него очень недобрый взгляд.

– Да откуда Игрейна-то могла знать?

– Представления не имею, – пожал плечами Сапфир. – Семейные предания? Или мемуары, той, твоей бывшей Дан-на-Хэйвин. Рассказывай. Ричарду и Джулиану особенно полезно будет это услышать. Я ещё Тони с Джереми и девочек хотел позвать. Скажи спасибо, что не позвал.

– Это была мать Арафели – Кора, – Роджер медленно сел. – У меня был с ней роман. Не обычный – очень приятный. Игрейны Первой ещё в помине не было, а Арафели было лет десять. Четырнадцать, когда мы с Корой разошлись.

– Сердце несчастной женщины было разбито на множество осколков и растоптано, – продолжал за потомка Сапфир. – Она плакала целыми днями и сошла с ума. Трагично, а? Арафели показалось естественным, спустя четыре года, положить свою ненависть к Роджеру, на чашу весов, решающих, быть войне или нет. Безусловно, Роджер не виноват в этой войне. Арафель просто всеми силами добивалась власти, и её посадили на трон люди, уставшие от нашей общей войны с перевёртышами.

– А что потом? – послышался детский голос. Семилетняя сводная сестра Брайана и Роджера, Мелисса, высунулась из-за кресла Даймонда.

Прежде, чем Сильвертон сделал замечание дочери, та поведала:

– Один мой знакомый сказал, что люди нас предали, переметнулись.

– Что за знакомый? – спросил Ричард Сильвертон у малышки-дочери.

– Один... з-знакомый. Рэйн!

Внезапно Мелисса сорвалась с места и убежала.

– Мне стоит больше знать об этом? – спросил Сильвертон у Сапфира.

– Ей же так мало ещё... Ричард, утомись, ты слишком нервный.

– Тем не менее, скажи ему, чтобы не разговаривал с Мелиссой о таких серьёзных вещах, – попросил, но скорее приказал герцог.

– Итак, Брайан? – протянул Роджер. – Ты обещал.

– Среди твоего тихого блеяния я не услышал ни подробностей, ни оправданий, но я же свой план действий и образ мыслей изложу более подробно, поскольку совесть моя – чиста, братишка. Так изволь. Моргана Аргиад заинтересовала меня сначала, как возможный носитель демона. То, как она вела себя, укрепило меня в мысли. Три периода проводил обряд за обрядом, молился и читал Священные Тексты. Так она стала вести себя куда более трезво, чем многие знакомые барышни. Затем я продолжал своё дело, надеясь обратить её в свою веру, поскольку в ней возник интерес. Роджер, пойми, что я забочусь о её моральном облике, – Брайан сделал паузу и предложил: – Могу и о твоём позаботиться?..

– ...Нет уж, уволь...

– ...Никто и не сомневался... К тому же надеюсь на лучшее будущее для нас всех и, да, я рассчитываю, что все мои труды рано или поздно позволят мне рассчитывать на её преданность. Всё. Кстати, твой приказ не кормить её, чтобы ослабла – это как-то слишком.

– Слишком уж она здорово кусается.

– Но когда ты ловил её в первый и во второй раз, честно, разве не заметил в ней разницы?

– Хочешь, чтобы я лишний раз подтвердил, что ты совсем уже... святой, да?

– Значит заметил?

– Да, – буркнул Роджер. Но затем поднял голову и посмотрел весело. – Теперь, говоришь, в неё можно влюбляться? Наведаться мне в Сент-Линн?

– Это женский монастырь.

– А я и не знал... – протянул Роджер, изо всех сил пытаясь изобразить разочарование. В его глазах появился такой блеск, что Брайан встал со своего места. Роджер приятно заволновался после каких-то своих мыслей, а Брайану это невидимо передалось.

– Не хочешь ли получить по шее за греховные мысли? – закатывая рукава, спросил Брайан.

– Нет-нет, не сегодня, – отмахнулся, было, Роджер, но тут с интересом оглядел брата: – Хотя...

Братья сцепились как в детстве. Прочие Сильверстоуны мирно разошлись, поскольку знали, что драка близнецов закончится не с первой кровью, а с первым треснувшим рукавом или лопнувшим швом на одежде.

Глава 3. Брайан, лучший Брайан

Этого события Моргана ждала, казалось, дней двадцать: еле различимый звон и скрип, внезапно близкие шаги нескольких пар ног, оглушительный поворот одного ключа за другим в замках последней двери, пристукивание заметно опускающейся при распахивании тяжёлой двери, и вот, один за другим, входят фиты и Брайан. Он всё так же излучает тепло и участие всем своим видом. Он почти всегда такой в последнее время. От одного его присутствия так приятно, что тепло разливается сначала по камере, а затем проникает в тело и согревает его, подобно действию горячего воздуха в комнате, кудаходишь с мороза. Пухлые губы слегка улыбаются, глаза, серо-голубые, когда он расстроен и сиреневые, когда только закончит молитву, сегодня были почти белыми, с лазурными и розоватыми сливающимися пятнами. Судя по его виду – это хороший знак. Надо бы запомнить.

Моргана поднялась в полный рост. Один из фитов отпер замки у неё на шее, на руках и на ногах. Брайан, так и не сказав ничего, протянул ей руку. Она вложила свою ладонь и очнулась уже на выходе из тюрьмы. Брайан помог забраться в экипаж. Кучер погнал лошадей прочь от тюрьмы. В окно было видно, что всадники в форме гвардии Юга сопровождают их. Брайан всё ничего не говорил. На нём сегодня была не обычная ряса, а чёрная сутана. На шее ярко выделялся ровный край белоснежного воротничка. Моргане давно уже не хотелось укунить его. Ну, только если слегка, для того, чтобы услышать его голос.

Она была бы душой, если бы сказала это, но уж очень хотелось и того, и другого – и услышать его голос, и слегка прикусить кожу на его шее:

– Если ты ничего не скажешь, я тебя укушу.

– Мы же договорились не драться.

– А я легонько.

Брайан опустил глаза и усмехнулся одними губами. Будто бы ум его сейчас был занят чем-то ещё, но и на её подначку реагировал. Он стал на томительно долгое время жутко похож выражением лица на своего брата. У того сладострастие, которое так клеймил Брайан в персональных проповедях, обволакивало всю фигуру, прослеживалось в каждом движении.

– Кстати, а почему ты не совершишь чудо над своим братом? – не сдержалась она.

Брайан взглянул на неё более яркой голубизной глаз и грустно посмотрел в окно.

– Я периодами молюсь за его спасение, но выходит не совсем то, чего бы мы все хотели.

Он, по мере моих молитв, проникается уважением и интересом к одной из своих любовниц и в результате женится на ней. Это хорошо бывает, когда он не изменяет супруге – тогда он становится идеален. Но по мере моих молитв, если я не оставляю их, он может влюбиться ещё раз, будучи женат. Это приносит в его жизнь столько сумятицы, что... а если я считаю свой долг, в отношении брата, выполненным и перестаю усиленно молиться о нём... он... охладевает к своей жене и начинается то же, что и всегда – он ищет, ищет... Он был разведён в срочном порядке, как уличённый в измене, четырнадцать раз, трижды вдовец и разведён по истечении ста пятидесяти лет дважды. Вдумайся... ему минула только первая тысяча лет!.. В истории крылатых с Аконита не было таких как он. Сапфир говорит, что таких глубоко грешных крылатых существ, как он, и не будет больше.

– И хорошо. Клервинду одного Роджера Кардифа хватит. Говоришь, не стоит его убивать?

– Не стоит. Я всё равно люблю его.

– За что?

– Это нормально – любить свою семью, кем бы ты ни был и какими бы ни были они. Вот как ты и Игрейна Пятая. Приятно же переписываться, а?

– Думаешь, это можно сравнить?

– Да, до сих пор, как бы ты не вела себя с ней, во внешней жизни, вне дома, ты занималась отвратительными вещами. Спроси её как-нибудь: а не стыдно ли ей было за тебя? Ответ тебе многое расскажет, уверен в этом.

– Не знаю. Мне кажется, что без твоей помощи я ни в чём не разберусь, даже в смысле её ответа.

– Проси объяснить. Она показалась мне достаточно разумной и образованной женщиной.

– Ещё бы!.. Ксенион готовит её на...

«О нет!.. Неужели проболталась?!»

– Говори-говори... – Брайан, хоть и разглядывал пейзаж за окном, был внимателен к её словам, – обещала слушаться меня, ты помнишь?

– И чем, позволь спросить, это отличается от того, что делали со мной мои хозяева?

Брайан резко обернулся к ней. Глаза вспыхнули гневом. Это был пугающий до немоты ярко-красный цвет. Он приблизил к ней своё лицо.

– Всем отличается. Я не толкаю тебя к греху.

– Это предательство.

– Ха. Предательство. Какие слова мы теперь знаем?.. Я скажу тебе... – Брайан опять отвернулся к окну. – Не надо быть посвящённым, чтобы понимать – Игрейну Пятую стали звать так потому, что она вот-вот должна быть коронована людьми. Она должна стать предводительницей Севера. Для чего это нужно? Для того, чтобы напомнить перевёртышам, что хозяева севера – люди и для того ещё, чтобы прекратить между царями-перевёртышами скрытое соперничество за лидерство. Их пять, а все разнятся своими сильнейшими сторонами, и предводителя сходу не выберешь. К тому же, она потомок Арафели, развязавшей войну крылатых с людьми и потомок Игрейны Первой, облапошившей Сапфира и практически призвавшей Классика. Идеальная кандидатура. И даже момент относительно неплохой – она родила двух дочерей, как принято в вашем клане, и готова теперь рожать новых драконов, чтобы усилить ваши армии.

Попытайся Моргана сейчас возразить – выглядела бы ещё глупее. Лучше было слегка сменить тему:

– Ты так быстро говорил и так... страстно. Ты злишься? На меня? Да я здесь ни при чём. Я только приказы выполняла.

Брайан покачал головой вместо ответа.

– Ты говорил, что гнев – это грех.

– Да, это такой же большой грех, как и блуд. Только его недооценивают. Наделяют, даже им, яростным безумием, героев эпоса. В древних сказаниях каждому второму присуждают гневливость. Только они, древние, вовсе не так уж вспыльчивы. Чаще всего они... просто не знают меры и... манер. Достаточно посмотреть на Алекса Санктуария, чтобы убедиться в этом, – Брайан теперь говорил медленно. Несмотря на то, что ещё был хмур, уже начал желтеть глазами и розоветь лицом. – Сильверстоуны же все вспыльчивы. Кто-то – менее, а кто-то – крайне. Кто борется с этим, а кто это скрывает.

Брайан краснел всё сильнее и сильнее. Это был натуральный стыд. Глаза, сверкнув, обратились к её лицу и снова, уже невидяще, смотрели в окно. Они стали грязновато-жёлтыми. Его руки, спрятанные в складках сутаны, подобрали поясной крест с колен, и этот символ будто утащила в себя чернота. Губы священника зашевелились – вероятно, он читал, по памяти, покаянную молитву.

– Потому-то тебя и не признают святым во всеуслышание – ты часто бываешь груб и гневаешься иногда.

Теперь крылатый посмотрел на женщину в сильном раздражении:

– Не прерывай моей молитвы, прошу.

Отвернулся и снова начал беззвучно шевелить губами.

– Так я права?

Брайан резко выбросил левую руку к стенке и опёрся на неё. Закрыв глаза. Видимо сейчас смирял гнев.

– Да уж, наверное, – покачала головой Моргана, подражая ему.

Брайан вспыхнул ещё сильнее. Он был очень уязвлён. Какая-то дуручка распознала слабость Пресвятейшего кардинала!

– Я тебя сейчас сам покусаяю.

Моргана не сдержала писка. Этот мужчина вдруг оказался очень близко, и она почувствовала шёлк его волос на щеке и, через мгновение, он действительно сделал то, что обещал. Так же, вдруг, отодвинулся:

– Всё ясно?

– А ну... да...

Брайан был спокоен. Он продолжил свою молитву, а она тем временем занервничала оттого, что её тело начало проявлять реакцию, да так, что страшно стало. Постаравшись ровно сидеть на месте и не вздрагивать от приливов разогревшейся крови, она задумалась о том, что священник-то, похоже, совершенно не знал подспудного смысла своего последнего поступка. Неужели он мог быть девственником? И, мало того, если он так спокоен, то... евнух? Или, может, он выбросил из своей жизни всё-всё связанное с плотской любовью? Разве так бывает? Если да, то он настолько же странный, как и его брат. Оба – отождествление крайностей.

Затем Моргана Аргиад похвалила себя за почти ровную цепочку мыслей, за бездействие в отношении тела священника и осталась полностью довольна собой.

«Наверное, глупышка – девственник», – решила она окончательно, спустя примерно шестнадцатую свечу. Уж слишком обидно было бы полагать, что такой мужчина, сильный, ловкий и оч-чень красивый, может быть евнухом.

– Почти приехали, – сказал он вдруг и посмотрел на неё внимательно. Оглядел и зацокал языком: – Прекращай это.

– Что прекращать?

– Думать обо мне как о мужчине.

– Как ты распознал?

– Опыт.

«Какой это опыт? А покусал-то, покусал-то ты меня с какого-такого опыта?!»

– Чего молчишь? – спросил Брайан, когда Моргана продолжила пристально смотреть в его глаза.

– Внимательно слушаю твои извинения.

– Отчего это я должен извиняться?

– Гнев и прочее...

Брайан хмыкнул.

– Я же не оскорбил тебя, не ударил, не обидел. Даже плохо о тебе не подумал. Я не должен извиняться.

– Да?

– Да. Тебе ещё многое нужно узнать о том, как должны поступать верующие. Впрочем, если ты будешь общаться с монахинями как со мной сейчас, исключая пошлые мыслишки и острые зубки, то они, мои сёстры, всему тебя научат... Или ты предпочитаешь, чтобы тебя заперли в келье?

– Нет, я не против общаться с монашками. И... учиться.

– Тогда... келья, кстати, на ночь всё равно будет запирается. Но, знаешь, такую дверь легко плечом высадить в случае надобности, – он смотрел на неё прямо, спокойно. – Не забывай, что всё сломанное нужно чинить. Испортишь что – заставлю исправлять.

На этой ноте они окончили путешествие. Моргана вылезла из экипажа и оказалась перед огромным строением, меньше Кер Велла или Дворца Императоров в Ллевелле, но куда больше и выше тюрьмы в Синеренесси.

– Это храм святого Линна. Кельи – там, – Брайан махнул рукой куда-то, но Моргана не смотрела. Она всё не могла наглядеться на башенки храма и крыльцо его, что так и тянуло к себе.

– Нравится? – услышала она смешок Брайана. – Ну, смотри, смотри.

Моргана и не собиралась отрывать взгляд от украшений здания. А затем послышался топот и шорохи, и на Брайана налетела стая женщин, окружив его и подтопив волной этих свободных, чёрных, как у него, одеяний. Они все писком, хрипло, пронзительно, почти крича, что-то одновременно говорили. И к каждой Брайан обращал улыбку, каждую целовал в лоб – всё это Моргана видела только краем глаза. Её заслонила одна из женщин, важного вида, с темноватыми глазами. Полукрылатый человек.

– Вы – Моргана Дан-на-Хэйвин?

– Да.

– Зовите меня мать Элейн. Пресвятейший писал мне о вас и о том, что доверил вам свою репутацию сына Сильвертона.

Моргана захлопала глазами:

– Что вы имеете в виду?

– Он так же писал, что могут возникнуть трудности во взаимопонимании. Я всё объясню вам. Идёмте.

Моргана пошла вслед за матерью Элейн. Оглянувшись на Брайана – тот дружелюбно беседовал со всеми монашками сразу. В глазах женщин светилось восхищение.

«Похоже, – подумала Моргана, – он для них сокровище. И для меня должен быть. Почему нет?! Откуда я знаю, как нужно себя вести? Он говорил мне, что я многого не знаю. Видимо с ним нужно было обращаться так, как это делают они».

И она поторопилась, чтобы догнать мать Элейн.

– Так что вы имели в виду?

– Несмотря на то, что отец Брайан полностью духовное лицо, – спокойно и сдержанно, даже деловито говорила мать Элейн, – он сын, пусть и не полный наследник, Ричарда Сильвертона. И уж если Сильвертон разрешил перевести вас из самой строгой из тюрем в этот маленький женский рай, то отцу Брайану придётся отвечать за измену, как мирянину, в случае, если вы сбежите, или навредите монастырю и храму.

– Правда? Отец может казнить своего сына? Ни люди, ни перевёртыши так не поступили бы.

– Сомнительно, что бы и фиты были способны на такое. А вот мы, крылатые, в точности соблюдаем Закон.

Некоторое время они пробирались через тёмный коридор, но затем вошли во вдруг светлую, в три раза шире, выше и длиннее, галерею. Она вся блестела изнутри, в высокие окна свет, цветной, лился вниз, отражался от мозаичного пола и летел, словно брызгами, на стены, так искусно разрисованные, что Моргана застыла, разглядывая всё.

По обеим стенам высокими волнами извивалась линия арок, так же как пол, облицованных мозаикой, разве что менее крупной и преимущественно синей и голубой, сразу и точно напомнившей цветом глаза Брайана и Роджера Сильверстоунов. Видимо этот цвет считался здесь божественно прекрасным. Колонну каждой мозаичной арки обвивал цветок, стремящийся донести свои лепестки к свету окна наверху. В проёмах арок – фрески с изображениями крылатых и людей. На первый взгляд они только что-то брали или давали друг другу. Но кто-то выглядел радостным и успокоенным, а кто-то – страдающим. То тут, то там, мелькали кровавые сцены, сцены пыток.

Мать Элейн тронула Моргану за плечо:

– Я расскажу вам каждую из этих историй. Идёмте же, – в этой женщине сейчас были понимание и ласка. Этим она чуточку напоминала кардинала Айона.

– Отец Брайан не?..

– Он будет служить в храме, но думаю, вам ещё рано видеть это. Я веду вас в вашу келью. Как прогорит свеча, так вам принесут воды и одежду на смену.

Все коридоры и залы, которыми шли обе женщины, были так же прекрасны, как и тот, мозаичный. Где-то мелькали металлические литые, каменные резные украшения достойные дворца императора. Да, такой красоты на севере не найти...

– Отец Брайан сказал, что здесь держат провинившихся. Я так поняла, что это не монахини.

– Да, это не монахини. Здесь жила родная мать Пресвятейшего отца Брайана – рит-принцесса Эллиан. До того она готовила своего сына, Роджера Кардифа, для переворота. Она желала, чтобы Кардиф сместил герцога Сильвертона, взял власть и короновался как наследник её отца, императора Александра из рода Нортвизоров. Так вышло, что и сам маркиз Кардиф не стал поддерживать её и отправил сюда.

– Всё обошлось без крови?

– Принцесса Эллиан отреклась от обоих сыновей, а так – всё было в порядке.

– Почему Кардиф отказался править? Почему – от обоих сыновей?

– Это долгая история, но если кратко – маркиз не посчитал идею рит-принцессы Эллиан разумной. Говорят, он как сейчас женский ум ни во что ни ставит, так и раньше...

– А отец Брайан?

– ...Всегда готов принять совет от женщин. Он... Мы пришли. Отдыхайте.

Мать Элейн затворила дверь за собой. Моргану оказалась в комнате с белёными стенами и мебелью тёмного дерева. Побывав в каменном мешке, Моргану поняла, какая это ценность: полный шкаф книг, кровать, стол и кресло у окна. А что на двух прорубленных в стенах окнах решётки – да те и то кованые, с узорами.

Поражало и радовало обилие молитвенников и Священных Текстов в отдельных книгах. Некоторые были переписаны от руки, а некоторые – перепечатаны, ровно, чётко, удивительно правильно, даже глазам непривычно смотреть.

Теперь Моргану могла избавиться от плаща. Она свалила это тряпье в углу и взяла первую попавшуюся книгу. Она оказалась написанной на современном крылофитском. Пришлось поискать, чтобы найти книгу на всеобщем. Но, как только Моргану начала читать, тут же нечаянно заметила, что её пальцы оставляют на страницах тёмные следы. Руки были настолько грязными, что даже трогать книги было опасно. Моргану похвалила себя за то, что не села ни на стул, ни на кровать – тоже бы испачкала.

«...Вам принесут воды и одежду на смену», – Моргану вспомнила, как мать Элейн сказала это.

Наверняка в глазах монахини Моргану выглядела отталкивающе. Где-то на одежде даже есть кровь Брайана. Сжечь эту одежду! Да и монашки не обратили на неё никакого внимания. Будь она, Моргану, ухожена, не посмели бы не заметить Её, красивейшую из женщин.

Ей действительно принесли всё необходимое. Что касается одежды, то это было бесформенное одеяние, похожее на одно из тех, что носили монашки, разве что тёмно-синее, а не чёрное. Мать Элейн зашла к ней после того, как унесли тазы и воду.

– Отец Брайан не говорил принимать вас в свою общину, но настаивал на том, что мы должны проводить с вами как можно больше времени вместе. Он не имел в виду только меня, но я не хотела бы сейчас же бросать вас «на съедение» прочим сёстрам. Они куда любопытнее, чем вы, и быстро вытянут из вас всё, что им знать не нужно. Поэтому, позвольте, сначала подготовлю вас к общению с прочими.

Несколько дней за этим мать Элейн помогала Моргане приспособиться к распорядку жизни в монастыре. В ответ на вычищенную и засверкавшую внешность эскортесс, полукрылатая частенько опускала глаза. Прочие же монашки, если видели её, открывали рты. Потому Моргану и не пускали вместе со всеми туда, где хоть что-то нужно было делать. Моргана своим видом сбивала монахинь с толку и их работа, как и молитва, становилась механической. Мать Элейн в этом была сильнее, но всё же не решалась молиться при Моргане много. Только короткими молитвами, да и то, совместными – Моргана выучила несколько из них и привносила вклад, пусть не так страстно, как настоятельница.

Мать Элейн напоминала Брайана лаской в голосе, но и строгостью и постоянными отсылками к Священным Текстам, равно с ним объясняя необходимость определённых шагов в любом деле нужной цитатой или главой из Свидетельства. Настоящим шоком для Морганы было то, что книг в Полном Свидетельстве было несколько больше тысячи, и мать Элейн свободно цитировала любое место из любой книги.

– Я старше отца Брайана в шесть раз, – говорила мать Элейн. (Он бы улыбнулся, говоря такое.) – И никогда не увлекалась чтением и осмыслением Священных Текстов. Епископ Налвэйз, который тоже куда моложе меня, до сих пор упрекает меня в этом.

Епископом Налвэйзом оказался золотоволосый, как и большинство крылатых, голубоглазый мужчина, выглядевший немного нежнее и моложе Брайана. Он не задавал ей вопросов, не сказал ей ни единого слова. Просто однажды взглянул на неё в коридоре и почти сразу же отвернулся. Уши у епископа загорелись, а глаза стали жёлтыми, даже, скорее, золотыми. Стало стыдно, как Брайану, за грехи? Но почему они, клирики-мужчины, вспоминают о своих грехах именно в её, эскортесс, присутствии? Она бы подумала, что клирики сделаны Богом по тому же принципу, что и остальные мужчины, но Брайан-то проявил склонность к совершенно другим порокам, а вовсе не к тем, какие были бы очевидны при таком-то брате. Мать Элейн, впрочем, заявила, что епископ Налвэйз долго прославлял Брайана за его волю, веру и непогрешимость, и принял решение постараться никогда больше не пересекаться с Морганой Аргиад, дабы «Красные воды не упали с небес!» Моргана поняла, что так иносказательно епископ говорил о грехе или грешных мыслях.

Что касается отца Брайана, то о нём вестей не было настолько долго, что Моргане захотелось совершить что-нибудь из ряда вон выходящее, лишь бы Брайан приехал и снова молился рядом с ней. Она бы услышала его голос и те особенные нотки, с которыми он читал Священные Тексты. Когда стало невозможно, она решила спросить у настоятельницы, могла бы она написать Брайану или это нехорошо.

– Это хорошо, но... в другое время. Дело в том, что он... в конце лета... путешествовал по местам, где проходили бои, чтобы молиться за павших в бою и получил знамение свыше о том, что на Преньоне следует заложить город...

– Но Преньон это не то место, где безопасно делать это!.. Там же рядом армии стоят! Одно неверное движение, и его убьют!..

– Чего стоит для него его жизнь перед первым и единственным повелением Бога? – спокойно ответила Элейн. – Мы с сёстрами каждый день молимся за него, чтобы всё прошло благополучно, и Единый защитил своего возлюбленного сына всеми чудесами, на какие способен.

Моргана, однако, ощутила страшный гнев. Она оттолкнула мать Элейн и бросилась к двери. Настоятельница бросилась за ней, крича:

– Если вы сдвинетесь с места, его убьют совершенно точно!

– Почему? – остановилась Моргана.

– О вашем побеге узнают.

– И?

– Часть армии бросят на ваши поиски. Так мы, южане, откроемся для удара. Ваши войска ударят, но первым, кого убьют, будет Пресвятейший кардинал Айона, отец Брайан!

– Его посадят в клетку, его не убьют! Его знают и по ту сторону фронта. Никто не убьёт его!

– Откуда вы знаете?! А если нет?! Так, стойте. Я поняла, – мать Элейн тяжело дышала скорее от волнения, чем от бега, – вы очень любите его и хотели бы защитить от любой напасти. Я, я понимаю это. Мы все преданы ему и если он позовёт нас, то, не задумываясь, полетим к Преньону. Но! Но сейчас, Моргана, милая, не делайте этого. Я обещаю вам, что напишу ему и напомним о вас. Он приедет сюда, и вы сами поговорите с ним. Вы хотя бы попробуете уговорить его. Может у вас не только красота превосходящая, но и убедительность!.. Ньон он уже заложил, его строительством могут заняться другие и ему незачем подвергать себя опасности. Да. Есть шанс, что он останется здесь в Деферране, да. Ну? Вы?.. Вы будете благодарны?..

– Хорошо, я останусь. Пишите сейчас же!

Шли дни. Их прошло слишком много. Моргана жмурила глаза до чёрных точек, пытаясь молиться, но молилась только о том, чтобы Брайан приехал. И вот, шум, крики. Топот ног – все бегут.

«Это Брайан!» – подумала Моргана и, так же как и все бросилась к выходу, на холод, не позаботившись о тёплой шали. Он уже стоял в окружении «чёрных волн» прочих монахинь и целовал один подставленный лоб за другим. Крылатые люди обычно круглосуточно выглядели сияющими, но Брайан казался усталым почти как обычный, бескрылый человек.

Моргана распахала женщин по сторонам и бросилась к Брайану. Обняла его за шею, прижалась, как могла тесно, и поцеловала. Целуя, закрыла глаза и почувствовала и блаженство, и восторг, и мир внутри себя. Но тут же: толчок, удар по лицу. И оказалась на земле. Брайан выглядел разгневанным. Он пошёл прочь и его «чёрные волны», всё так же обволакивая его, двинулись вместе с ним.

Моргана была слегка шокирована. Как-то не вязался поступок Брайана с тем образом себя, который он создал в памяти Морганы. Реконструируя произошедшее в обратном порядке, Моргана поняла, что это была пощёчина. Разве святым можно так поступать? Похоже, что да. То есть гнев, а значит, склонность к пороку не помешала ему стать святым, а она своим поцелуем могла бы?.. Всё разрушить?!

Мать Элейн поднимала её с земли и отряхивала одежду, ругая на разные лады и выговаривая почти всё то, о чём Моргана и сама в то время думала. Но одна мысль настоятельницы не приходила ещё в голову эскортесс:

– Теперь он не станет вас слушать, – заявила мать Элейн. – Потому что он решит, и будет прав, что вы хотите оставить его в Деферране для себя.

Моргана насупилась:

– Я всё же попытаюсь.

– Ждите в моём кабинете. Отец Брайан всегда выпивал со мной чашку шоколада перед отъездом. Поговорите при мне.

Моргана побрела в кабинет настоятельницы. Прождала там свечи две. Святой Брайан, как в бытность свою «почти святым», был обязан отслужить в местном храме.

Думая о снизошедшей на Брайана благодати, Моргана отметила, что и внешне он изменился немало. Длинные волосы осеребрились целыми локонами, отчего природные казались очень короткими и очень чёрными, глаза стали очень темны, губы покусаны прямо-таки изверски, а на щеках будто бы пудра вместо румянца. А ещё он немного ссутулился и пах, как перевёртыш, пылью. Может, это дорожная пыль?

И вот он стоит напротив, глядя на неё этими тёмными глазами и ей не по себе. Что он скажет ей? Будет ругать?

Моргана, вся в сомнениях, не знала, что говорить.

Брайан также молчал. Производил впечатление самого спокойного на свете существа.

– Можешь начинать объясняться, – сделал приглашающий жест и сел в кресло возле стола матери Элейн.

– Я бы с удовольствием услышала твои объяснения. Или у святых по эту сторону фронта совести нет?

– А что конкретно тебя больше всего волнует? – спросил он и, растерев пыль по правой щеке, чуть повысил тон. – Вот бы весь свет удивился сейчас!.. Спрашиваешь с меня, будто замужем за мной, женщина. Никогда так не веди себя. И даже не потому, что это далеко отстоит от истины. Кое-что из опыта моего братца я запомнил. А это: нет ничего хуже, чем женщина, которая ведёт себя так, будто имеет на мужчину все права. Это не любовь, не доброта и вовсе не забота. Это – собственничество, что служит причиной ревности. А ревность – это и гнев. Гнев, женщина, без всяких абстрактных значений, ведёт к чему угодно, от болезней желудка до убийства.

Всё перемешалось в голове Морганы. Слишком много мыслей появилось сразу и ни одна никуда толком не ведёт. Не хватает, всё же, опыта здоровых отношений с разумными существами.

Брайан некоторое время ждал. Он склонил голову к одному плечу, затем к другому.

– Хорошо, – решительно поднялся Брайан, – мне нужно увидеться с братом.

– Вернись, – тихо сказала Моргана ему вслед. Брайан услышал:

– Я вернусь. Но тебе следует хорошенько подумать над тем, что ты мне скажешь в своё оправдание.

Отец Брайан ушёл, молча поклонившись настоятельнице. Моргана заметалась по кабинету:

– Разве он не отомстил мне уже? Зачем меня ещё и унижать?

– Никто не собирался тебя унижать, – примирительно говорила мать Элейн.

– Неужели не понятно, что я не сумею сказать ему то, что он хочет услышать? А своими фразами он опять поставит меня в тупик и я даже произнести ничего не смогу.

– Это от того, что ты гнёшь свою линию. Просто пойми его и извинись.

– А толку-то? Я извинюсь, но он всегда считал меня идиоткой и всё равно захочет услышать все мои умозаключения. Чтобы лишний раз сказать... назвать меня дурой.

– Бросьте, на святейшего это не похоже. Он уважителен к женщинам.

– Но не ко мне. Из-за моего прошлого, – Моргана помолчала. Она остановилась, и некоторое время смотрела в окно. Затем снова стала говорить, яростно и негодуя: – Он и сам понимает, что я делала... то, что я делала тогда, раньше, я делала потому, что не понимала сущности греха. Но при этом ему настолько отвратительно... Он говорил мне о прощении, но сам не может простить мне мои прошлые грехи. Но это не его дело!.. Бог меня должен простить, а не он!..

– Верно, – покивала мать Элейн, – именно такой смысл несут Священные Тексты.

– А то, что он меня ударил?! Ну почему?!.. – Моргана в изнеможении опустила в то же кресло, что и Брайан. – Мать Элейн! Скажите мне, а?

– Моргана, он не мстил тебе. Он хотел привести тебя в чувство и показать своё негодование в ответ на твой поступок.

– Но почему меня-то от этого трясёт?! Мне не было больно и это не привело меня в чувство!.. И... я хотела... только... поговорить и вместе помолиться... как раньше, в Синеренесси.

– Вот и скажи ему об этом. Прямо и честно.

– А... он точно вернётся?

– Крылатые всегда делают то, что обещали.

Брайан вернулся на следующий день. Он вошёл прямо в её келью и притворил дверь.

– Ну? Будешь излагать мысли? Уже поняла, за что я тебя ударил?

Моргана собиралась начать с извинений, но гнев снова проявился:

– Я всё поняла. Однако разве мы не собирались подружиться? Разве не решили не драться? Разве ты можешь злоупотреблять моим доверием?! Как я буду преданна тебе, если ты нарушаешь наши договоры?! – она даже не всё высказала, а Брайан, ни слова не говоря, вышел из кельи и исчез.

Через восьмую свечи Мать Элейн зашла с сообщением о том, что Брайан решил в срочном порядке отбыть в Ньон.

– Что такое Ньон? – спросила Моргана.

– Его город.

Моргана нащупала спинку кровати и, цепляясь за неё, села.

– Да как же так?!..

Мать Элейн вздохнула, осенила эскортесс знамением и вышла.

Моргана думала до самого вечера. А затем стала писать лист за листком, письмо Игрейне. Только ей, человеку, северянке, она могла жаловаться на Брайана так, как хотела, так, как не могла жаловаться настоятельнице.

Игрейна Пятая ответила не сразу; послание пришло через три дня.

Суть её невероятно длинного заумного письма сводилась к тому, что Моргане следует притвориться раскаявшейся во всём и попытаться втереться к Брайану в доверие. Поскольку в отличие от того, что посоветовала мать Элейн, всё нужно было делать не от сердца, а лишь внешне, что быстрее выполнимо, Моргана приняла доводы. В противном случае, как писала Игрейна (и она расписала это очень подробно), Брайан вообще может отвернуться от Морганы.

И эскортесс посвятила дни молитве и многократному переписыванию одного только письма Брайану, в котором она описывала все степени своего раскаяния. Чувствовалось, что чего-то не хватает и Моргана переслала Игрейне черновик письма Пресвятейшему. Та переслала свой вариант, где расписывала то, что Моргана упустила из виду: описание невинности своих истинных намерений, желаний и помыслов. Ещё неделя ушла на составление итогового варианта, и письмо было отправлено. Короткий ответ пришёл быстро:

«Вижу, что ты удивительно быстро исправляешься. Я рад, что ошибался, считая, что твои ум и сердце не смогут преодолеть очередной ступени к возвышению души. Продолжал и продолжаю каждодневные молитвы за тебя. Отец Брайан».

Моргана каждый день собиралась написать ему, чтобы он приехал, но боялась, что каким-нибудь неудачным оборотом выдаст себя и горячо молилась. Он приехал после целого лунного периода. Не предупредив, неожиданно. Отслужил в храме, как и в прошлые два раза, благословил каждую монахиню и прошёл прямо к эскортесс в келью. Она как раз сидела за изучением очередной Книги и выписывала для себя неясные моменты для обсуждения со старшими монахинями. Он вошёл шумно, подошёл близко, склонился к её столу и приблизил лицо с сияющими радостью глазами так, что она увидела каждую серебряную пылинку на его щеках. Она рассматривала его некоторое время, отмечая, что глаза его снова голубые, что серебра в волосах всё больше, что кожа на лице уже вся будто в сероватой пудре или муке – в белой с серебром пыли, а сами волосы теперь кажутся синими, а не чёрными, как раньше. Слегка сутулился он, как и в прошлый раз, но теперь клонился на одну сторону чуть больше. Пахло от него тревожно и остро, но сладко, травой, южными фруктами и пылью. Это сочетание запаха подбросило её со стула вверх. Она отошла к окну.

– Что с тобой? – спросила она. – Ты выглядишь всё... необычнее.

– Это старость крылатых, – весело сказал он. – Ты где-нибудь читала, чтобы святые жили долго?

– Как?.. – Моргана повернулась к окну, протянула руку и распахнула его, чтобы впустить морозный ветер. Ей было жарко и казалось, что сейчас заплачет. Холод должен остудить её тело, а ветер пусть осушит слёзы.

– Это называют одной из ряда величайших несправедливостей. Очень многим крылатым удалось стать отмеченными Единым. У кого-то это так, как у Рэйна Росслея. Господь даровал ему силу вызывать дождь и благословил на вечную жизнь. Сапфир должен был стать пророком, но согрешил крупно и остался на вечную жизнь в нашем мире. Эгертон Макферст служил верой и правдой, но избирательно относился к исполнению Божьего закона и до самого конца служил только лишь мечом и честью, подавая пример крылатым, защищая их и покровительствуя монастырям. Ну а таким как я, удаётся вкусить доли некрылатых людей и заболевших фитов. Святые крылатые как благословение принимают раннюю старость. Несправедливость? Не думаю. Скорее завершающее испытание. Радуйся за меня – скоро я буду подле Него. Я увижу, наконец, Его лик.

Последние слова она услышала почти над самым ухом. Брайан взял её за плечо и повернул к себе лицом. Несмотря на то, что он увидел её слёзы, радость из его глаз не исчезла вовсе, она просто отошла куда-то вглубь. Он прижал её голову к своей груди и стал рассказывать, какими он представляет Небеса, какой будет лучшая жизнь, и как он счастлив, что его брат, о, неужели? пошёл по новому пути и есть надежда, что они оба встретятся Там, и что Моргана в самом конце тоже окажется в идеальном мире.

– Твоё место в Раю, Моргана. Теперь я начал видеть, что ты слишком хороша для грешной земли. Здесь мужчины, да и женщины, загрязняют всё вокруг тебя своими нелепыми гадкими побуждениями. Там же такого не будет. Подле Него нет греха и нет несчастья, Моргана. Там мы будем очень счастливы!

– Мне кажется, что я недостаточно чиста для этого, – прошептала Моргана через некоторое время.

– Молись, готовься. Отныне ни одного поступка, кроме безвинного.

Он смотрел на неё так, что самым естественным было бы пожелать идти за ним, стремиться к месту в Раю. Не разрешая себе больше думать и сомневаться, но, не решаясь не воспользоваться моментом, Моргана двинулась к полкам и попросила будто бы исполнения самого своего заветного желания:

– Почитай мне, как раньше.

Он улыбнулся и взял из её рук Книгу, одну из поздних, наиболее сложных для понимания. И читал ей своим необыкновенно прекрасным голосом и разъяснял ей каждую мелочь, как в последние дни в Синеренесси, только нежнее.

Брайан уехал, и Моргана несколько дней ходила как в прекрасном сне, наполненном образами, нарисованными Брайаном, и воспоминаниями о нём.

Однажды часть её словно очнулась и Моргана стала расспрашивать у всех подряд, не слышали ли они, чтобы Роджер Кардиф исправился.

Тогда ей рассказали такую историю:

Роджер Кардиф легкомысленно, как и всегда, завоёвывал одну красавицу за другой, но однажды решил приударить за вдовой Эгертона Макферста, эферет-принцессой Шерил. Надо сказать, что её совсем ещё юный сын, герцог Пэмфрой, Томас Макферст, каким-то образом читает души свободнее, чем многие древнейшие пробуждённые или старейшие исповедники Клервинда. И Пэмфрой дал матери пару советов о том, как вести себя с Кардифом. В результате наследник Сильверхолла, Кардиф, влюбился так, что позволял крутить собой как угодно, сделал красавице Шер предложение руки и сердца, и не одно, а за период уже пережил с десятком официальных отказов. Да на глазах у всего света. На одиннадцатом отказе сломался и ушёл в монастырь. Там раскаялся во всех грехах и ожидает наречения послушником.

И, хотя Моргана и не просила, ей рассказали, что у них, у Роджера и Брайана, был с детства закадычный друг, азартный игрок, пьяница и повеса, герцог Элайн Мэйн, так тот тоже вдруг начал вести праведную жизнь и уехал в Ньон, помогать Брайану.

Спустя ещё один лунный период Моргана вспомнила об истории герцога Элайна, когда Брайан приехал к ней снова, чтобы помолиться с возложением рук на её голову. Моргана увещевала его, чтобы он оставил другу строительство Ньона и вернулся в Деферран. Брайан озвучил отказ строго и неумолимо, и тогда Моргана стала просить взять её с собой в Ньон:

– Я сильная, ты знаешь это. Мне можно поручить почти любую работу. К тому же кинжал, пулю, дротик, летящий в тебя, я остановлю своим телом, и ничего со мной не случится. Мать Элейн как-то сказала, что чем больше преданных тебе вокруг тебя, тем спокойнее бы чувствовали себя все они, включая епископов и коллегия кардиналов. А уж тем более я. Убеди отца отпустить меня с тобой. Он должен знать, что стены монастыря мне не преграда и я здесь единственно ради тебя. Чтобы никого из подвижников в Ньоне не смущать, я оденусь по самые глаза, обещаю.

Брайан долго смотрел на неё, поджав губы, но затем кивнул:

– Я обдумую всё и спрашиваю, может ли случиться такое в принципе.

В следующий раз, когда он приехал, визит его был недолгим, но информативно насыщенным:

– Господь повелел навсегда прекратить все войны и стать с перевёртышами и людьми одним народом под властью человеческого императора. Ньон стал строиться как будущая столица. Не надо в обморок... Ваша сторона знает об этом. Верхи торгуются сейчас о самых разных мелочах, но никто не возразит, если пленный северянин, хотя бы на словах даже, согласен помогать лично в строительстве будущей столицы, – Брайан теперь ходил из угла в угол. – Я много с кем переговаривал, прежде чем пришёл к тебе. Игрейна, кстати, знает, что не её Господь повелел выбрать императрицей. Императором станет другой наш заложник – Эрик Бесцейн. Есть мнение, что все мы совершаем ошибку, не говоря об этом ему самому, но также есть мнение, что стоит посмотреть на то, каким он будет императором – его я приглашу на возведение Ньона.

– Его?! Не меня?

– Тебя тоже, успокойся.

– Слава Богу!..

Брайан фыркнул в ответ на её необычное восклицание.

– Вас двоих отпустят, и вы прибудете в Ньон на свободно-принудительной основе. Если захочешь – можешь помогать. Если захочет Бесцейн – пусть тоже помогает. Хотя не его это дело... Я бы, как маркиз, даже гвоздя рабочему не подал, потому что в голову бы не пришло, да и не по рангу... аа-ах, эта святость!..

Моргана смотрела на него во все глаза:

– Как же так?

Брайан ухмыльнулся.

– А вот так.

– Ты какой-то странный святой.

– Пожалуй. Нет, я думал, что дело в моей семье, в эмпатии с Роджером. Монастырь, однако, должен был перевоспитать полностью, но что-то, что-то... Где-то я... не совсем...

– А я, кстати, тоже маркиза. И, слышала, твой друг, Элайн, не кто-то там, а герцог, тоже поехал в Ньон и ничего. А ведь тоже не по рангу...

– Это его способ очиститься. Написано же в Книге двадцатой по Танро: «Постом и молитвой, а помимо них нет упражнений, кроме трудов тяжких». Ничего... пусть очищается.

– Я слышу в твоём голосе мстительность. Ты точно святой?

– Святость – штука относительная. Складывается впечатление, что я словно сосуд, в который заливалась Божья благодать, достигла краёв и переливается. Это, мол, отметка святости, не говоря уж об остальном... Это они, – Брайан имел в виду коллегия кардиналов, – решили, что меня теперь можно звать так. Частью им это просто нравится... О! Нет-нет, не подумай

плохо! Они созывали Великий Собор, чтобы определить стою ли я того, чтобы моим именем основать хоть какую часовню.

Мужчина уже некоторое время ходил по её келье, от южного окна к северной стене и обратно, и то и дело поглядывал на низкое зимнее солнце, тускло просвечивающее сквозь тонкий слой то ли тумана, то ли дыма, то ли тончайшей пелены облаков.

– Что касается Уоррена Элайна, то он был одним из тех, кто не упустил ни одного шанса поиздеваться надо мной. Даже мои младшие племянники, молодые бездельники, и те подна-торели в шутках по поводу того, чем бы мне заняться и куда пойти. Симпатичный – и дев-ственник. Маркиз – и каменотёс. Сейчас же я вынужден помалкивать на счёт Уоррена просто потому, что уважаю его старание... – Брайан ненадолго смолк. – Не найти мне удовлетворения. А ведь прямо изнутри ест... так хочется иногда поязвить. Но это уже моё, – Моргана смотрела на него, не понимая ровным счётом ничего, и он был вынужден пояснить, – моё, не брата. Всё равно не понятно, да?

Брайан улыбнулся ласково и засобирався прочь.

– Настоятельница поможет тебе, когда наступит время, – сказал он и отбыл.

Как часто раньше случалось, Моргана ещё долго после отъезда Брайана сидела на одном месте и вспоминала про себя все его слова, улыбки, взгляды. В нём было немерено очарования, того очарования, которое помогало его брату в своё время добиваться любви первых, да и не только, красавиц Деферрана.

Мать Элейн стала готовить Моргану к отъезду всего-то через неделю, не меньше.

В сумме, Моргана провела в заключении больше года.

Глава 4. Ньон

К концу второго дня пребывания в Ньоне Морганы и Бесцейна, Брайан ощущал, по меньшей мере, четыре вида усталости: душевную, физическую, умственную и какую-то ещё, название которой он ещё не придумал. Всё дело в том, что его друг Уоррен Мэйн, он же герцог Элайн, влюбился в Моргану, а он ей тоже очень понравился. И это несмотря даже на то, что Моргана, как и обещала, закрылась вся, от кончика носа, до кончиков пальцев. Весь день они флиртовали, не обращая на него никакого внимания и от того, ЧТО слышал Брайан, у него иной раз было желание обвенчать их немедленно или выкинуть обоих из Ньона. А ещё он никогда не слышал, чтобы кто-нибудь говорил так нежно, как эти двое, или смеялся так много и заразительно, как они же. Он то смеялся вместе с ними, то краснел каким-то их выдумкам и не смог отправить кого-то из них от себя. На данный момент Уоррен, сполна натрудившись вместе с бригадой кровельщиков, был секретарём, а Моргана стала посыльной при Брайане.

В тот вечер они втроём зашли в выстроенную на днях гостиницу, чтобы поужинать. Шумно, тесновато, но и отдельных кабинетов хватало, а самое главное, было тепло, так что друзья ужинали весело, так же праздная очередной трудный день, но и не тревожимые никем. Моргана, ради принятия пищи, сняла с головы всю сложную систему платков и капюшонов; Уоррен забывал жевать.

– Уоррен, ты тоже решил добиться святости? – спросила вдруг Моргана у герцога Элайна. Видно было, несмотря на полуулыбку, что вопрос для неё очень и очень важен.

– Да.

– Почему? Почему именно святости? Разве не достаточно просто не грешить?

Уоррен слегка опустил голову, собираясь с мыслями. Брайан, хорошо знавший его, понял, что тот не скоро даст разъяснения.

– Это несколько наивно, разве нет? – предположила Моргана. Уоррен вскинул голову, оскорблённый в своих чувствах, но Брайан опередил его ответ:

– Ты можешь сколько угодно не грешить, но любви к людям и Богу так и не почувствовать. Предположим, тебе просто безразличны все вокруг кроме тебя самого. Ты пройдёшь мимо, когда будут обижать ребёнка, и не вступишься. Это разве хорошо?

– Ты прав, таким методом в Рай не попасть. Но... может, нет? Послушай, а если так устроено это существо? Тут и там – везде написано, что Единый каждому даёт талантов и способностей ровно столько, сколько нужно. Если в том случае вступится слабая человеческая женщина, разве ей не достанется от обидчиков вдвойне?

– Ты должна бы уже знать ответ на этот вопрос.

– Знаю. Я хотела обратить твоё внимание на то, что путь к Нему у каждого разный. Так почему Уоррену обязательно становиться святым как ты? Почему недостаточно пути праведника?

– Не хочешь, чтобы он дал обет безбрачия? – прищурился Брайан и затем рассмеялся.

Моргана ничего не ответила. Уоррен странно смотрел на Моргану. Брайан почувствовал, что неловкость между Уорреном и Морганой с этого момента останется надолго и решил весёлым тоном и первоначальной темой отвлечь их мысли:

– Дело в том, что мы не знаем, попали ли на Небеса все те, кто был твёрдо уверен в своей непогрешимости. Уверенность – всего лишь уверенность. Святые, мученики и преподобные отцы и матери церкви откликаются после своей земной смерти на наши молитвы. Остальные – нет. Почему? Может им по рангу не положено? А может их души ещё не прошли Небесные врата и только ждут Конца Всего, чтобы взойти на самую высокую ступень? Мы не знаем этого. Посему и есть эта твоя дилемма, и есть её решение, именно такое, какое взял для себя Уоррен.

– Это слишком амбициозно, – с неудовольствием сказал Уоррен, – Моргана права.

– Это не слишком амбициозно, – возразил Брайан. – Просто это займёт много времени и сил. Зачем ещё Единый дал нам настолько долгую жизнь, по сравнению с теми же людьми? И среди них были святые. Взять, хотя бы Илеса Анктура (что-то я часто привожу его в пример)...

– Он стал крылатым. Это не одно и то же, – возразил Уоррен.

– Что? – Моргана так удивилась, что даже бокал уронила. – Человек стал крылатым?!

Брайан с Уорреном переглянулись. Уоррен набрал воздуха в грудь и стал рассказывать:

– Когда не было ещё на Клервинде крылатых, а это такие времена, что сложно представить их древность, люди уже существовали, но при этом были куда более смертны, чем сейчас, и смертны часто потому, что... были терзаемы болезнями. Тогда вождь одного из племён, Илес Анктур, взмолился своим богам, чтобы они дали людям исцеление. Молитва его была так горяча, что Господь сделал его крылатым и наделил способностью исцелять...

– Подожди. Как это? Молился своим богам, а дар получил от Единого? А? Не согласуется.

– Ты можешь хоть реке молиться, – насмешливо отвечал Брайан, но изменил тон на более строгий: – Единый же видит твою душу, а не только обстоятельства, окружение и воспитание. Так же он видит истину. Есть ли любовь в твоём сердце, и какова она? В чём она состоит? Господь увидел великое сострадание в сердце Илеса и наделил его даром. И, надо сказать, не ошибся. Он до сих пор...

– Он жив?

– Его пробудили для битвы. Всё-таки он был легендой, чудотворцем, и при этом воином и военачальником.

– Почему я о нём ничего не слышала?

– Слышала. Это наш принц Алекс Санктуарий.

– О... Мне говорили о нём... – очень медленно проговорила Моргана. Она застыла полностью, но глаза метались по углам.

– Наверное, он не подходит под идеал, да? К тому же сражался на нашей стороне, а значит, против людей, которых так любит.

– Вот именно. У меня начинает пухнуть голова от всех этих странностей! – Моргана схватила свои платки и выбежала.

– У меня есть ощущение, – осторожно начал Уоррен, – что ты как-то перестал держать перед кем-либо образ идеального верующего.

– Именно. Образ хорош для подачи примера.

– Но реальность не всем необходимо понимать.

– С чего это ты взял? Не понравилась реакция Морганы?

– Её не должно было быть. Она, если правда то, что ты говоришь о ней, стала слишком умна для красивой женщины и задаёт хорошие вопросы, а ты и рад поговорить о том, что самого волновало века тому.

– Уоррен, – вздохнул Брайан, – мне показалось, что ей нравятся исключительно правильные парни. А ты как раз встал на этот путь и закономерно для неё влюбиться в тебя и... совратить. Нет-нет, я вижу, что она тоже собирается посвятить себя Единому, но... есть два «но». Во-первых, сколько бы она ни изучала Священные Тексты, она так и не попросилась пройти обряда наречения имени, а во-вторых, я сердцем чувствую катастрофу. Что-то не так. И я теряюсь, понимаешь? Что-то не так и я готов признать, что мне не хватает ума и молитвы идти против провидения Господнего.

Оба немного помолчали.

– Хорошо, когда есть друг, да? – бодро сказал-спросил Уоррен.

Двое крылатых взглянули друг на друга и рассмеялись. Подняли бокалы с эйерном, и выпили за дружбу.

Влетела Моргана и плюхнулась на своё прежнее место.

– Я подышала уличным воздухом и пришла к выводу, что готова слушать, нет, разбираться дальше.

– Я у-устал, – протянул Брайан. – Не забудь до завтра тему нашей беседы.

– А ты, Уоррен?

– У нас ещё море задач, на самом-то деле, – признался Уоррен через силу.

– Сам напрашивается вопрос: вы тут о чём-то сейчас договорились без меня, а? – спросила Моргана. – Разочаровались во мне?

Мужчины молчали и эскортесс, смешивая возмущение и оправдание, выпалила:

– Но мне просто нужно было привести мысли в порядок!..

– Всё нормально, – сказал Уоррен. – Симпатичным дамочкам позволено совершать самые разные поступки, как говорил Роджер.

– Что о нём слышно? – поинтересовалась Моргана.

– Ничего. Это самое главное, – освобождённо вздохнул Брайан и повернулся к Уоррену: – Ты говоришь, у нас ещё планы на вечер? Может, отпустим Моргану?

– Я бы с радостью, но если она понадобится?

– Не представляю, честно говоря, где оставить её на ночь, – пожаловался Брайан. – Ночевать в моём кабинете как-то не слишком удобно.

– Верно. Но если мы опять засидимся за полночь, то придётся снова оставаться без удобств. Так что я займусь поисками ночлега для неё, а ты отправляйся в ратушу. Там на столе ещё уйма предложений.

Брайан покивал и пошёл прочь. Как только за ним закрылась дверь гостиницы, и он сделал первый же шаг по улице, то тут же перестал думать об Уоррене и Моргане и сконцентрировался на делах. В последнем письме отца было столько указаний, что впору было раздробиться, чтобы разобраться с ними и, главное, создать ещё одного себя, отдохнувшего, чтобы распределял работы по другим своим вариациям. Он даже не заметил, в какое время в его кабинете появились Уоррен и Моргана и так же не заметил, когда и где уснул. Утром проснулся с чётким чувством вины за то, что пропустил ежевечернюю и покаянную молитву. Такое случалось всё чаще. День предстоял ещё более тяжёлый. Как и следующий. Примерно через неделю он обратил внимание, что между Уорреном и Морганой больше нет ни капли флирта, что их отношения теперь братски-сестринские и ничего, кроме того. Подумав поверхностно, он решил, что между ними что-то произошло в тот вечер, когда они пошли искать ночлег для Морганы. Может, просто объяснились. Греха в их глазах Брайан не видел. Уверен был, что смог бы увидеть, если бы имел место быть блуд.

Что касается Морганы, то он совершенно перестал молиться за неё – она вела себя лучше, чем просто безукоризненно, хотя так же задавала разные вопросы, но уже даже не всегда ему, а иной раз и Уоррену. Тот выкручивался, как мог.

Но дни шли вперёд, неумолимо. Брайан начал замечать, что друзья его стали незаметными, что обеспечивают ему поддержание жизни, тогда как он уже об этом и думать забыл. Он слабел, забывал всё больше. Всё меньше был доволен собой. Сетовал сам себе, что не достоин быть устроителем столицы Клервинда. Чувствовал, что конец его близится и старался с каждым днём сделать как можно больше.

Доходы от торговли между севером и югом пополняли казну Ньюна так скоро, что исчезла надобность посылать друзей организовывать помощь той или иной бригаде рабочих, ведь на хорошую плату теперь стекались и люди, и перевёртыши с севера, и фиты, и крылатые с юга.

Впервые возникла надобность в охране одних видов от других. Драки между крылатыми и перевёртышами возникали стихийно, но перерастали в нечто более масштабное. Брайан искал полукровок – преимущественно тех, в ком сосуществовала и кровь перевёртыша и кровь крылатого, а такие были, и набралось их пять разумных. Остальные также были квартиранты, шиагры – метисы. В некоторых было столько всего намешано, что разобрать, как вообще

назвать это существо, не представлялось возможным. Итак, всем, кто не был сыном перевёртыша, он закупил однотипного вида доспехи (полуперевёртыши в подобном предохранении тел не нуждались). Так их стали называть доспешниками – всего тридцать четыре разумных существа с оружием, между севером и югом. Отношения с ними, кстати, складывались для Брайана сложно. Никто из них не имел не только чистоты крови, но и чистоты мыслей, и ни одного или почти ни одного праведного поступка в прошлом. Тридцать один из них разрывался во время войны между родителями или вынужден был глотать оскорбления от тех, с кем бился на войне плечом к плечу. Судьба таких полукровок была незавидна – с любой стороны их считали недостойными. А здесь, под рукой Брайана они, что молодые, что зрелые, каждый по-своему, проявляли характеры. Доспешники были заносчивы и самолюбивы, разобщены, верили во что придётся и наслаждались своим положением единственной силы в богатом растущем городе. Они без сомнения стали лишней головной болью для Брайана, но подходили для цели и прекрасно исполняли свою роль – их опасались и обходили стороной все и каждый.

Его также беспокоило то, что он не успевает следить уже ни за торговым оборотом, ни за ценами и пошлинами, ни за тем, как согласуются требования сторон. Кроме того, Сильвертон и цари-перевёртыши одновременно, через Брайана, пытались «воспитать» Эрика Бесцейна. Их указания настолько разнились, и все во всём так торопили, что Брайан сдался и послал за братом. И если Брайан опасался, что Роджер в приоритеты возьмёт интересы отца, то он ошибался, хотя и не полностью. Роджер стал незаменим ещё более чем Уоррен и Моргана. Уоррен научился координировать Брайана и не только его жизнь, но и его работу. Моргана поддерживала дух Брайана, напоминала о молитве и осуществляла связь со всеми в городе, в том числе и с доспешниками. А Роджер... Во-первых, Роджер помогал Брайану увидеть истинные мотивы сторон, находил золотую середину, угождая всем и сразу. Во-вторых, сумел подключить и главнокомандующих, древнейших крылатых и царей-перевёртышей к разработке защитного комплекса столицы (Сапфир пророчил нападения перевёртышей извне, с других планет). В-третьих, Роджер тренировал и дисциплинировал доспешников. В-четвёртых, он сумел убедить свою последнюю несбыточную любовь, эферет-принцессу Шерил приехать и разобрать одно из запутанных дел между торговцами, после чего эферет-принцесса осталась осуществлять роль судьи и дальше. Пусть Роджер так и не оставлял тлеющих надежд стать ближе к Шерил – Брайану это уже было не важно. Роджер или Шерил – они помогли.

Была середина весны, когда в Ньон переехали жить небезызвестные Рэйн Росслей, Алекс Санктуарий и Хайнек Вайсваррен. С севера переехал в будущую столицу сам Ретт Адмор – так называемый «Пограничный Царь». За ним приехал Колин Хант – «Юго-восточный Царь». Их земли, если не считать ещё и владений Ли, находились ближе всего к Ньону. Цари и древнейшие крылатые осторожно находили общий язык, наслаждаясь всеми способами издевательств, невинных и не очень, над будущим императором Эриком Бесцейном. У того шла кругом голова. Перевёртыши, ранее не обращавшие на него никакого внимания, теперь стремились стать его ближайшими друзьями. Крылатые, державшие его в заложниках больше года, теперь ввели его в свой круг общения.

Завлекая к себе будущего императора, древнейшие и цари основали в Ньоне все возможные заведения для развлечений и привлекли столько лицедеёв и услужливых профессионалов и профессионалок разного сорта, что любому в Ньоне теперь было чем заняться вечером и помимо распития традиционных пьянящих напитков. Когда же Брайан сам стал появляться на том или ином мероприятии, возникла странная ситуация. И ещё более странная в осмыслении.

Оказалось, что Брайана побаивались или опасались. Он имел при себе свиту из лучшего мечника и бывшего генерала дневных летящих, кроме того, за ним по пятам следовали почти неуязвимая эскортесс и пара доспешников, тоже производивших впечатление. Роджер по старой детской привычке смотрел часто туда же, куда смотрел Брайан, а Уоррен, тоже по детской привычке, следовал в этом за близнецами. Моргана, и говорить нечего, уже почти любые пол-

фразы Брайана понимала во всей полноте вложенного смысла. Выглядеть всё это со стороны могло зловеще. Кроме того, Брайан не мог удержаться от того, чтобы не понаблюдать за древнейшими и царями, а главное, за Эриком Бесцейном. Те беспокоились и оглядывались на него. Каждый – в силу своих причин. Кому-то не нравилась свита Брайана, кому-то нравился кое-кто определённый, то есть Моргана, а Эрик Бесцейн правильно считал, что власть в Ньоне осуществляет и несёт в себе один лишь Брайан. К тому же его нервировало постоянное наблюдение Брайана. И, таким образом, имея общий раздражающий субъект, древнейшие и младшие из царей-перевёртышей нашли-таки общий язык. Мало того, между царём Реттом Адмором и самым молодым из пробуждённых древнейших, Хайнеком Вайсварреном, завязалась настоящая дружба.

Брайану начало казаться, что будто бы из кусочков складывается, постепенно, картина того мира, которого хотел бы Единый. Сам факт того, что крылатый и перевёртыш нашли друг в друге нечто ранее недостающее, было одним из самых прямолинейных доказательств. Мир должен был установиться гораздо раньше, но неспособность посланников Божиих добиться внимания или власти исполнять без помех Его волю, не позволяла хаосу войны отступить до сих пор. Выходит его, Брайана, происхождение, его стремительный взлёт к высшему церковному сану – всё было необходимо для того, чтобы стать проводником воли Всемогущего. Бог населил огромную планету Клервинд миллионами таких различных существ, и он знал, что донести до всех этих миллионов существ истину может только тот, в ком слилось всё и вся – Брайан.

Тогда-то Брайан перестал удивляться выбору Господа и увидел, как влияет на окружающих образ его святости. Многие верили, что он видит больше и дальше, чем должен бы видеть крылатый. Он подозревал, что кто-то боится быть обличённым в грехе или кто-то из подчинённых или торговцев нечист совестью в деле развития Ньона. Обычно хватало пристального взгляда в сторону провинившегося.

Но не все, в ком Брайан видел нечто недостойное, поддавались безмолвному внушению. Такой была Моргана. Это её «нечто» не исправлялось. Это видел, чувствовал и понимал один лишь Роджер.

Роджер удивлял. Несмотря на то, что он теперь, покинув монастырь, носил одежду мирянина соответствующую его положению, он, всё же, сильно изменился. В монастыре это было не так заметно, как в Ньоне – в брате появились спокойная сосредоточенность и внутренний покой, словно ровная гладь воды, пусть и чувствовалось глубоко, у дна, бурное кипение страстей. Роджер частенько подавлял гнев, даже когда Моргана вела себя идеально. Но причина гнева всё же была в ней, и Брайан однажды всё-таки спросил брата:

– С Морганой что-то не так. Я не очень понимаю что. Ты это видишь?

– Она тебя хочет, – коротко и грубо объяснил Роджер.

Брайан усмехнулся:

– Может быть и так, но, да какая разница? Она ничего не предпринимает, а я совсем скоро рассыплюсь, – и, без всякого перехода, спросил о другом, так давая понять, что закрыл предыдущую тему разговора: – Ты не против того, что я собираюсь отдать своё тело Церкви?

– Церкви? Не Ньону?

– Церкви. Ньон отчеканит из этого серебра медали или монеты, а церковь спустит меня на крестики и ладанки. Мне не нравится мысль о том, что часть моего тела может однажды оплатить услуги проститутки, убийцы или ещё что.

Роджер тоже усмехнулся, но одними губами:

– Обязательно куплю такой крестик. Забавно, можно будет переть тебя на своей шее даже после твоей смерти. Интересно, как это оценит наш папаша?..

– Подожди, – Брайан подошёл к зеркалу и достал нож. Отрезал почти полностью посебрённые локоны и передал брату, отвечая на одну из возможных мыслей брата: – Мне тоже жаль расставаться.

– Это случится не завтра, но и тем более спасибо, что подумал об этом уже сейчас, – Роджер аккуратно вынес волосы, стараясь, чтобы при неосторожном движении они не рассыпались металлическим песком. Его шаги стихли, и Брайан услышал другие, очень быстрые и лёгкие, Морганы. Как будто караулила за углом.

– Ах! Что с твоими волосами?! – она мгновенно оказалась слишком близко, и ему стало не по себе от того, что Моргана запустила руки в его волосы. – Ой!.. Ты колешься!..

Эскортесс отдернула руки, морщась, стала тереть их. Отошла. Потом её глаза вдруг очень ясно посмотрели на него:

– Кажется, я знаю, что такое боль.

Брайан молчал и Моргана продолжила:

– Не был бы ты святым, я бы не почувствовала этого. Чудно! Господь сильнее природы эскортов. Это удивительный опыт. Давно хотела понять, что же такое физическая боль.

Брайан осенил женщину крестным знаменем. Но, во-первых, она смотрела в другую сторону, а во-вторых, кажется, это произвело ненужный эффект.

– Знаешь, – начала она, приблизившись опять, – я хочу, чтобы ты знал, что святой ты или нет, на самом деле ты очень добрый и этим нравишься мне. Пусть ты и со странностями – это не важно. Я хотела бы принадлежать тебе и быть с тобой вечность.

– Если моя смерть не будет внезапной, я успею всё сказать тебе. Сообщу тебе твою миссию на Клервинде, и ты будешь исполнять её и таким образом принадлежать мне, исполняя мою волю.

– А если смерть настанет внезапно? Если однажды утром мы увидим в твоём кабинете только несколько серебряных глыб и песок на полу? Что мне делать тогда?

– Я подготовлю завещание. Там всё будет указано. И для тебя тоже.

– Но я так много хочу тебе сказать!..

– Скажи самое главное сейчас.

– Я люблю тебя и хочу быть только с тобой, – не задумываясь, сказала женщина. Но потом замахала руками: – Нет-нет, не совсем в том смысле!.. Да, это правда, что я больше не хочу быть ни с одним мужчиной, кроме тебя, но не в том смысле, правда.

– А в каком? – со скепсисом спрашивал Брайан. – Посмотри мне в глаза и скажи, что не хочешь меня.

– Кто тебе сказал? Роджер?

– Скажи мне в глаза.

– Я не хочу тебя.

– Ложь, – Брайан видел в её глазах, как в отражении, себя, и ничего не мог поделать: он испытывал отвращение, разочарование, и они проступали на его лице. Он стал говорить резко: – Крылатые всегда видят ложь. Уходи. Уходи-уйди! Твоя ложь прошла в прошлый раз, потому что излагалась на бумаге. В этот раз – нет. Какая неудача... и это конец, Моргана. Всё, ты не можешь быть со мной.

– Боишься? Ты ведь просто боишься, так?

– Я?! Чего? Женщина... Я был девственником, когда ушёл в монастырь. У таких, как я, способность иметь детей исчезает к восьмидесятому году жизни. Именно поэтому мужчин, оставшихся нетронутыми, берут в послушники в четыре раза раньше, чем таких, например, как мой брат. Именно потому я так скоро вошёл в коллегию кардиналов. Мне слишком давно не интересны женщины вовсе. И тогда, в Сент-Линне... я ударил тебя потому, что монахини видели твой уродливый поступок, это напоминание о чувственной природе существ, о которой им, к несчастью, далеко не всем удалось забыть.

Он немного помолчал.

– Одно время я сожалел об этом. Но не о том, что больше не способен познать женщину в принципе, а о том, что у меня никогда не будет своих детей. Я всегда считал, что какой бы степени отеческой любви не испытывал к пастве, мне никогда не понять, что бы почувствовал я...

– Ревность, – от двери послышался голос Роджера. – Я чувствовал ревность и сожаление. А ещё одиночество. Когда рождалось яйцо, его мать не отходила от него ни на шаг и почти не обращала внимания ни на что другое. Даже избавившись от скорлупы, малыш всегда получал внимания своей матери в сотни раз больше, чем я получал от неё. Если помнишь, только мать Джулиана не была такой, и то, потому что была дочерью древнейшего Дарка, избалована сверх меры и самовлюблённа. Я почти ненавидел своих сыновей.

– Думаешь, могло бы быть когда-нибудь иначе? – спросил Брайан.

– Она поцеловала тебя? – вместо ответа спросил Роджер.

– Нет, но ты был прав.

– С тебя вечер в ратуше, – Роджер вскинул брови и посмотрел в потолок. – Надо было деньги поставить – был бы один из самых лёгких выигрышей тысячелетия. Но я ж не думал, что ты сразу же ринешься всё выяснять.

– Дело сделано, – пожал плечами Брайан и кивнул эскортесс. – Моргана, прощай.

– Но куда мне идти? Что делать?

– Я пришлю тебе указания.

Они с Роджером ушли, спокойно и не торопясь. Собирались пообедать с Уорреном. Обычно с ними обедала и Моргана. В этот раз она тоже пришла, хотя её ждали меньше всего. Ей бы полагалось плакать где-нибудь в уголке.

– В чём дело? – ледяным тоном спросил Роджер. – Что тебе не ясно?

– Всё мне ясно. Уоррен! Они выгоняют меня за то, что увидели, что... что я хочу Брайана. Это несправедливо!

Уоррен был шокирован – ему никто ещё ни о чём не говорил. Но он явно подозревал то же, что и Роджер, потому что довольно быстро разразился ответом:

– Справедливо или нет, но ты в этом случае помеха, милая девочка.

– Да кому я со своими скрытыми желаниями мешаю?! А кому мешают твои скрытые желания?

– Я с ними борюсь хотя бы.

– А кто сказал, что я не борюсь?! Всем известно, что Роджер хочет эферет-принцессу Шерил, но не может её покорить, потому и пошёл в монастырь. Но сейчас он общается с ней по деловым вопросам и никто никого не выгоняет из Ньюна, хотя проблема осталась та же. Он же заиклен на ней! Так почему я не могу быть как Роджер?!

– Не сравнивай нас, – почти презрительно говорил Роджер, – тебе позволено быть рядом с Брайаном исключительно из сострадания его к таким, как ты.

– Таким, как я? К царским шлюхам, ты хочешь сказать? Но, милый, по степени потасканности ты превосходишь меня в тысячи, если не миллионы раз!.. Не смей говорить мне, что я недостаточно хороша для того, чтобы быть подле Брайана!..

– Ты загораживаешь свет, который мог бы падать на других – тех, кто более в этом нуждается. – Удивительно мирно сказал Уоррен, и это, контрастом, лучше всего поведало Моргане и Роджеру о том, что они, споря, оба постепенно повышали голос.

– Брайан! Пожалуйста!.. – Моргана отвернулась было, но схватилась за голову и бросилась в ноги к святому. – Не прогоняй меня от себя!..

– Ты преодолеешь это... – очень сочувствуя её горю и муке говорил Брайан. Он даже погладил, легко, её по голове.

– Я, я преодолею это в себе, Брайан, я хочу быть чище. Я могу быть чище!..

Моргана продолжала умолять, заплакала. Уоррен вышел – ему оказалось тяжело наблюдать это зрелище.

Роджер смотрел на происходящее совершенно спокойно, но, всё же, пробормотав, что у эскортесс совсем нет гордости, тоже вышел. И тогда Брайан сдался:

– Хорошо. Хорошо, Моргана. Хорошо. Оставайся. Удивил? Нет, нет, не надо, не надо... оставь мои ноги в покое... Отвалится ещё чего...

Моргана, вытерев щёки, захохотала и села на пол. Брайан с улыбкой смотрел на неё. У этой женщины не было истерики, просто так внезапно выразились в ней радость, лёгкость и чувство освобождённости духа. Ему было интересно, насколько точно он понял её ощущения в тот момент и рассказал историю о том, как будучи епископом, был назначен руководить миссией на островах Айона в Океании, но провалился полностью, и как умолял кардинала Иеджессо дать ему всё исправить. И что испытал, когда Иеджессо позволил Брайану не только вернуться в Айон, но и посвятить себя этому делу полностью до тех пор, пока не добьётся положительных результатов.

– Именно это я и почувствовала, – закивала Моргана. – А ты, как я понимаю, добился, чего хотел. Но над тобой был ещё этот Иеджессо. Он умер? Нет? Так как ты стал кардиналом?

– Иеджессо решением коллегии занялся финансами Церкви. На освободившееся место кардинала Айона был назначен совершенно другой господин. Некто Оромин. Самое ужасное случилось потом. Была битва под Деферраном, в местечке Палнсуорк. Слышала о ней? Суть в том, что когда перевёртыши прорвали защиту рядов на стригущей высоте, они добрались до замка Глэменси и кто-то из них взял местную достопримечательность, гигантский камень Пасторак и бросил его прямо в замок, но попал-то в часовню, где служил кардинал Оромин. Я стоял в пяти шагах от него и клянусь, услышал только грохот, а когда обернулся, от кардинала остался только песок и тот под камнем. Мне потом рассказывали, что я вытаращил глаза на Пасторак и так грязно выругался, как никто из присутствующих не слышал. Но я этого не помню. За такое отношение к смерти Оромина меня третировали все подряд. Хотели сослать простым проповедником в глубинку, но Иеджессо убедил всех, что раз Красные воды не возшли, стало быть, я не согрешил. Следующий кардинал Айона, Келт, был убит на осаде Деферрана. И опять прямо рядом со мной и опять в Священном месте. Перевёртыши ворвались в храм... понимаешь, да? Я защитил свою жизнь мечом. Не мог не сделать этого. А затем принял решение участвовать в зачистке улиц города... а потом и в снятии осады поучаствовал. И опять меня за это хотели послать прочь, как можно дальше. Что и сделали, поскольку я нарушил один из основных обетов своего ордена. И вот там, в деревеньке с длиннейшим названием Килманигуранаван-элпи-ньюу (это на южном континенте), опытным путём я и моя паства открыли особенную силу моей молитвы. А уж когда в Килманигуранаван стали стекаться не только с округи, но и издали, тогда меня, в глазах коллегии, обелил Бенедикт, кардинал Гурана. Меня вернули в Деферран и назначили кардиналом Айона.

– Расскажи об этом Кил... ма... гуране?

– В другой раз. Пока я рассказывал, я вспомнил о том, что отец Бенедикт как-то давно выразил желание поучаствовать в ещё одном большом деле... я приглашу его в Ньон. Думаю, он не откажется, тем более, здесь Алекс Санктуарий – его предок.

– Кардинал Гурана Бенедикт из Санктуариев?

– Да, у Алекса, как крылатого, осталось всего два потомка в нашем времени. Бенедикт и Кристиан Рэйли. Причём Кристиан, очень дальний родственник, наследует Бенедикту. У них там примерно так же, как и в моём случае. Будучи в сане, наследник именитого рода не может отказаться от прав, земель и титула. Светские Каноны крылатых гласят, что власть в миру и в церкви следует разграничить. А это значит, что отец Бенедикт не сможет толком управлять всеми землями предков. Вместо него этим занимается Кристиан и уже является лицом или светским главой клана. Таким образом, и я, как тот, кто почти наверняка должен остаться в

живых, минуя войны, был бы следующим герцогом Сильвертоном, а Роджер – главой клана Сильверстоунов и, последующим временным исполняющим обязанности предводителя Юга, но это, скорее, один из кошмарных снов деферранцев, да поэтому и не может случиться. Но зато теперь все знают, что моя скорая смерть не даст обязанностям, правам и привилегиям раздвоиться в нашем колене рода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.